

Библейско-богословская коллекция
Серия «История Русской Церкви»

Васильев В.

СОБОРЫ 1547 И 1549 ГОДОВ

Христианское чтение, 1889, №1-2, с. 33-65;
№3-4, с. 266-292

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Собо́ры 1547 и 1549 годовъ.

(Очеркъ изъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ).

Соборы 1547 и 1549 годовъ, созванные митрополитомъ Макаріемъ для канонизаціи святыхъ, представляютъ явленіе, подобнаго которому мы не находимъ ни равѣ ни послѣ и не только въ русской церкви, но и въ церквахъ востока и запада. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ неудивительно то обстоятельство, что, повидимому, внезапно возбуждается мысль собрать всѣ памяти святыхъ, которымъ до сего времени „не было соборнаго пѣвнiя и уставити празднованіе имъ по прежеуложенному уставу св. отецъ“¹⁾. Не менѣе удивительно и то обстоятельство, что какъ скоро, повидимому, эта мысль возбуждается, точно такъ-же скоро и быстро она осуществляется. Въ какіе нибудь два—три года у насъ въ русской церкви канонизируется столько святыхъ, сколько не было канонизовано во всѣ предшествующіе пять вѣковъ, протекшихъ со времени основанiя нашей церкви до этихъ соборовъ. Какъ нова мысль, которая лежитъ въ основанiи этихъ соборовъ, такъ точно новъ и оригиналенъ и способъ осуществленiя ея. Одною изъ отличительныхъ чертъ, характеризующихъ совершеніе канонизаціи до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, былъ мѣстный характеръ ея. Святой обыкновенно прославлялся преимущественно только въ той мѣстности, гдѣ жилъ, подвизался и гдѣ хранились его мощи. Другою отличительною чертою канонизаціи того времени была невыработанность и .простекающая отсюда неясность и неопредѣленность правилъ совершенiя ея въ нашей церкви и приложенiя ихъ на практикѣ. Правда, встрѣча-

¹⁾ А. Э. I, № 213.

ются иногда указанія на приложеніе и примѣненіе къ практикѣ ея нѣсколькихъ правилъ, напр.: свидѣтельствованія чудесъ и мощей, провѣрки житій и каноновъ; но эти указанія такъ рѣдки и при томъ такъ часто неопредѣленны и неясны, что возводитъ ихъ въ общія правила совершенія тогда у насъ канонизаціи святыхъ мы не имѣемъ права. Между тѣмъ на Макарьевскихъ соборахъ мы не видимъ ничего подобнаго; напротивъ, съ перваго взгляда замѣчаемъ шагъ впередъ. Ими формулируются и вводятся въ практику церкви новыя правила канонизаціи, которыя потомъ становятся у насъ постояннымъ руководствомъ при совершеніи ея; представляются новыя основанія и условія канонизаціи, при чемъ она принимаетъ характеръ общецерковный, а не мѣстный, какой преимущественно имѣла до этихъ соборовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что макарьевскіе соборы по своему значенію составляютъ въ нашей церкви эпоху для канонизаціи нашихъ святыхъ, эпоху, со времени которой устанавливается болѣе правильный и постоянный способъ совершенія ея и начинается новый періодъ въ ея исторіи.

Нѣ смотря, однако, на столь важное значеніе этихъ соборовъ въ дѣлѣ канонизаціи нашихъ святыхъ, имъ почему-то не посчастливилось въ нашей церковно-исторической наукѣ. Наши изслѣдователи-историки почему-то проходятъ мимо нихъ, ограничиваясь обыкновенно самыми общими замѣчаніями, а иногда и просто только однимъ констатированіемъ голаго историческаго факта. Даже люди, спеціально писавшіе о митрополитѣ Макаріѣ, бывшемъ душею этихъ соборовъ, и тѣ не считали нужнымъ много распространяться о нихъ, хотя и нужно было бы ожидать отъ нихъ болѣе или менѣе подробнаго изложенія исторіи этихъ соборовъ, такъ какъ послѣдніе составляютъ одну изъ видныхъ сторонъ церковной дѣятельности этого іерарха ¹⁾). Трудно подыскать основательныя причины такого научнаго равнодушія къ этимъ соборамъ, имѣвшимъ такое важное

¹⁾ Мы разумѣемъ здѣсь гг. Н. Лебедева и Заусцинскаго. Изслѣдованіе перваго «Макарій митрополитъ всероссійскій», помѣщено въ Чт. Общ. люб. дух просв., 1887 г., ч. 2, и 1878, ч. 1; а изслѣдованіе втораго полъ точно такимъ же заглавіемъ помѣщено въ журн. М. Н. Пр., т. 217 и 218.

значеніе для канонизаціи нашихъ святыхъ. Былъ ли причиною послѣдняго недостатокъ матеріала и данныхъ, дѣйствительно, въ очень незначительномъ, какъ увидимъ ниже, количествѣ сохранившихся, или просто отсутствіе всякаго интереса среди нашихъ изслѣдователей къ вопросу о канонизаціи вообще, — трудно рѣшить. Единственное, краткое, но имѣющее научный интересъ изслѣдованіе о занимающихъ насъ въ настоящее время соборахъ есть у В. О. Ключевского, въ его сочиненіи: „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ ¹⁾. Авторъ послѣдняго сочиненія, правда, такъ сказать, мимоходомъ касается этихъ соборовъ, именно на столько, на сколько они способствовали развитію и оживленію у насъ въ это время агіобіографіи, но, тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ высказать много интересныхъ замѣчаній объ этихъ соборахъ.

Приступая къ исторіи самыхъ соборовъ, мы, прежде всего, въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ о нихъ укажемъ цѣль, побужденія и идею, которая легла въ основаніе этихъ соборовъ; затѣмъ, постараемся рѣшить вопросъ о томъ, кому принадлежала инициатива ихъ; наконецъ, перейдемъ уже къ исторіи самыхъ соборовъ, сперва, конечно, внѣшней, а потомъ разсмотримъ какъ самый ходъ канонизаціи на этихъ соборахъ, такъ и значеніе ихъ для канонизаціи святыхъ въ послѣдующее время.

I.

Какъ цѣль, такъ и побужденія, послужившія поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ, довольно ясно указываются самимъ митрополитомъ Макаріемъ и Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Такъ, первая довольно ясно намѣчена въ окружной граматѣ митрополита Макарія, которую онъ разсылалъ послѣ этихъ соборовъ по церквамъ, въ слѣдующихъ словахъ: „мы же о Святѣмъ Дусѣ съ сынами своими, со архіепископы и епископы и со всеми священными соборы, уставихомъ на томъ соборѣ праздновати по прежеуложенному уставу св. отецъ“ ²⁾ и проч. Такимъ образомъ,

¹⁾ Ключевскій, Житія, 221—242.

²⁾ А. Э 1, № 213, 203.

ближайшею цѣлю этихъ соборовъ было совершеніе канонизаціи святыхъ.

Если же мы, далѣе, обратимъ вниманіе на совершеніе канонизаціи святыхъ до этихъ соборовъ и сравнимъ съ прежнимъ способомъ настоящій способъ совершенія ея, то нетрудно будетъ опредѣлить и тѣ побужденія, которыя послужили поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ. До XVI вѣка всецерковная канонизація была болѣе чѣмъ рѣдкимъ явленіемъ; въ большинствѣ случаевъ намъ встрѣчается канонизація мѣстная, притомъ какъ та, такъ и другая являлась случайнымъ и единичнымъ актомъ. Теперь же канонизаціи приданъ собирательный характеръ, сдѣлана попытка ввести въ церковный календарь всѣхъ извѣстныхъ русскихъ чудотворцевъ и притомъ сдѣлать ихъ достояніемъ всей русской церкви; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія извѣстіе, что соборъ 1549 года „предалъ Божиимъ церквамъ“, для чтенія и празднованія, всѣ собранныя и свидѣтельствованныя житія и каноны новымъ чудотворцамъ, повидимому, не раздѣляя послѣднихъ на общихъ и мѣстныхъ, какъ это сдѣлалъ соборъ 1547 года; затѣмъ, церковное признаніе святаго становится дѣломъ общаго центрального собора русской церкви, а не епархіальной іерархіи ¹⁾); наконецъ, на этихъ соборахъ прилагаются новыя правила канонизаціи, которыя уже потомъ постоянно практикуются въ нашей церкви. Всѣ эти новыя черты канонизаціи святыхъ, появившіяся у насъ со времени только этихъ соборовъ, тѣмъ удивительнѣе, что ранѣе однѣ изъ нихъ совершенно не встрѣчаются намъ въ практикѣ нашей церкви, другія же, если и встрѣчаются, то только въ зачаточномъ состояніи. Поэтому невольно является вопросъ, какимъ же образомъ могла произойти у насъ такая рѣзкая перемѣна какъ въ формѣ совершенія канонизаціи, такъ и въ характерѣ ея? Очевидно, были какія нибудь особенныя обстоятельства и причины, которыя, служа побужденіями, и обусловливали собою эту перемѣну. Какія же это могли быть обстоятельства и причины? Прежде всего такимъ побужденіемъ къ перемѣнѣ формы

¹⁾ Ключев., 227.

и характера канонизации могли служить неясность и неопределенность правил и то отсутствие контроля высшей центральной власти русской церкви, которое замечалось в чествовании святых до этих соборов;— все это, естественно, могло возбуждать мысль о ненормальности такого положения в умах лучших людей того времени и желание такъ или иначе выйти изъ него посредствомъ тѣхъ или другихъ мѣръ и средствъ. Что дѣйствительно такая мысль и такое желаніе могли имѣть мѣсто, это можно уже видѣть, съ одной стороны, изъ словъ Грознаго, который разуметь именно это отсутствие контроля высшей церковной власти, когда говорить, что „праздновати повсюду симъ великимъ свѣтильникомъ не узаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныя раки со св. мощми бяху, ту и славими быша“¹⁾, а съ другой стороны, изъ того, что въ XVI вѣкѣ намъ уже не встрѣчается случаевъ установленія мѣстнаго празднованія святому мѣстнымъ епископомъ. Даже благословеніе праздновать прец. Пафнутію Боровскому въ его обители, данное въ 1531 году, исходитъ уже отъ митрополита „со всеѣмъ священнымъ его соборомъ“. Точно также отъ митрополита же исходитъ повелѣніе ежегодно совершать память св. Іакова Боровицкаго, предписанное грамотой 1545 года митр. Макарія²⁾, и св. Андрея, князя смоленскаго³⁾. Затѣмъ, съ начала XVI вѣка мы встрѣчаемъ факты свидѣтельства мощей и чудесъ и притомъ въ такой формѣ, въ какой оно практиковалось у насъ послѣ макарьевскихъ соборовъ, факты, указаніе на которые въ практикѣ раннѣйшихъ временъ мы, не смотря на продолжительность періода, встрѣчаемъ только одинъ разъ,— это при открытіи мощей ярославскихъ чудотворцевъ, князя Θεодора и чадъ его: Давида и Константина. Да и то это указаніе констатируетъ собственно только самый фактъ свидѣтельства, но ничего не говоритъ ни о формѣ, ни о способѣ совершенія послѣдняго. Укажемъ эти факты. Въ 1521 году колязинскій игу-

¹⁾ Ключев., Житія, прил. 4, 461.

²⁾ Рук. Тр. С. Л., № 654, л. 74.

³⁾ Рук. Тр. С. Л., № 696, 225—32.

мень послалъ къ князю Георгію „како обрѣтоша тѣло блаж. Макарія цѣло и тѣлнѣю не причастно, отъ него многа и различна исцеленія бываху, послажъ имена всѣхъ исцелѣвшихъ на хартии написавъ; князь же Георгій прочеть написанное возрадовася ¹⁾. Вслѣдствіе этого донесенія, послѣдній, какъ говорится въ одной сохранившейся, въ высшей степени любопытной запискѣ, имѣющей предметомъ своимъ біографію преподобнаго Макарія Колязинскаго, „лѣта 7032, марта во 2 день пыталъ Стрѣтенскыя старицы Ефросиніи Васильевой жена Кожина, о житіи преподобнаго Макарія чудотворца отъ каковыхъ родителей родися и каково было житіе его“ ²⁾ и проч. Въ 1544 году архіепископъ новгородскій Феодосій, по челобитію боровицкихъ обывателей, духовенства и мірянъ, послалъ въ Боровичи „игумена Онтонова монастыря Константина, да Соеѣйскаго собора священника Василея, да Соеѣйскаго дьякона Патрикѣя, смотрити мощей Іаковлихъ и о чудесѣхъ его испытати многими людьми и священники“. Освидѣтельствовавъ мощи Іакова, посланные „и про жизнь его опрашивали тѣхъ же мѣстныхъ священникъ и старость и волостныхъ людей добрыхъ—сколько давно тутю лежитъ и есть ли на него тутю наметухи и знахари“. Ничего не узнавши объ этомъ, слѣдователи собрали показанія о совершавшихся у гроба Іакова чудесахъ и составили имъ опись, къ которой приложили руки всѣ духовныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мощей, и міряне, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій. Получивъ этотъ обыскъ, архіепископъ послалъ его митрополиту и т. д. ³⁾. Всѣ сейчасъ приведенные нами факты могутъ говорить намъ о сознаніи высшею властію необходимости болѣе строгаго отношенія къ канонизаціи святыхъ. Если же такая мысль разъ явилась, то нужны только благопріятныя обстоятельства для ея осуществленія и проведенія въ жизнь общества. И эти обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятно сложились къ половинѣ XVI-го вѣка.

Въ половинѣ XV вѣка самостоятельное политическое значеніе

¹⁾ Некрасовъ Зарожденіе націон. литер., 16.

²⁾ Некрасовъ, 47.

³⁾ Рук. Тр. С. Л., № 654 л. 74—88.

Византіи окончилось, а вмѣстѣ съ нимъ упало и значеніе самой греческой церкви. Наоборотъ. для Россіи XV—XVI вѣка, бывшіе эпохою постепеннаго возвышенія и усиленія гражданской и церковной власти, ознаменовались подъемомъ собственнаго духа, сознаниемъ національной независимости и преобладающаго значенія Руси въ ряду другихъ православныхъ обществъ. Прежде, въ періодъ существованія греческой имперіи, послѣдняя считалась главною представительницею и защитницею всего православнаго міра. Теперь, съ паденіемъ Константинополя, она не могла, очевидно, играть такой уже роли. Къ кому же эта роль должна была перейти? Освобожденіе отъ монгольскаго ига, уничтоженіе удѣловъ и объединеніе Руси сдѣлали послѣднюю могущественною и сильною державою, вслѣдствіе чего національное самолюбіе русскихъ не замедлило перенести такую роль на самихъ себя. Теперь, по сознанию того времени, русская земля осталась единственною представительницею православія, а ея государь—единственнымъ его защитникомъ. Особенное развитіе эта идея получила именно въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Василія Ивановича, а Іоаннъ Грозный стремился уже осуществить ее въ своей дѣятельности, исполнить тѣ обязанности, которыя налагало на него новое положеніе его въ русскомъ государствѣ и церкви,—именно, стремился поставить въ уровень съ этимъ положеніемъ московское государство и московскую церковь. Въ царствованіе Василія Ивановича эта мысль ясно выражена была старцемъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоооємъ: „Пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему государю... браздодержателю святыхъ Божіихъ престоль святыхъ вселенскія и апостольскія церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, иже вмѣсто Римскія и Константинопольскія просіявшу (ей). Церковь древняго Рима, говорится далѣе въ этомъ посланіи, пала, вслѣдствіе принятія аполинаріевой ереси. Двери церкви второго Рима—Константинополя града разсѣкли агаряне. Сія же соборная и апостольская церковь ³новаго Рима—державнаго твоего царства—своею христіанскою вѣрою, во всѣхъ концахъ вселенной, во всей поднебесной паче солнца свѣтитя. И да знаетъ твоя держава, благочестивый царь, что всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись въ одною твоемъ царствѣ:

единъ ты во всей поднебесной христiанинъ царь“¹⁾. Эти воззрѣнiя на роль новаго московскаго государства и его государя въ судьбахъ православiя были, кажется, очень распространены въ обществѣ того времени, о чемъ можно судить какъ, съ одной стороны, потому, что тѣ-же воззрѣнiя проводятся и во многихъ другихъ сочиненiяхъ того же вѣка, такъ и потому, что къ тому же времени относятся сказанiя о чудесномъ переходѣ святыни изъ церкви греческой въ церковь русскую, какъ единственное убѣжище теперь православiя.

Эти новыя воззрѣнiя на русскую церковь, какъ на центръ православiя, и русское государство, какъ единственную православную державу, должны были имѣть своимъ естественнымъ послѣдствiемъ стремленiе нашей церкви возвыситься до уровня, соответствующаго ея новому положенiю, показать себя достойною высокаго мѣста, способною выполнить ту великую задачу, которую Промыселъ назначилъ ей выполнить въ исторiи христiанства. Естественнѣ всего и прежде всего эти новыя воззрѣнiя должны были отразиться на прославленiи нашихъ отечественныхъ святыхъ. Слава церкви—ея святыне. Угодники Божii суть ясные свидѣтели благодати Божiей, почивающей въ церкви. Отсюда, возвысить значенiе отечественной святыни и прославить своихъ отечественныхъ святыхъ было совершенно въ духѣ и потребностяхъ того времени. А для того, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, нужно было собрать свѣдѣнiя о святыхъ угодникахъ, открыть изъ подъ слуда и поставить на видъ скрытое доселѣ сокровище. И мы дѣйствительно видимъ, что именно въ это время митрополитъ Макарiй бѣльшую часть своей дѣятельности посвящаетъ изслѣдованiямъ о жизни русскихъ святыхъ, образуетъ цѣлую школу писателей житiй и производитъ безпримѣрную въ нашихъ лѣтописяхъ канонизацiю святыхъ. Что дѣйствительно такого рода воззрѣнiя, господствовавшiя въ русскомъ обществѣ половины XVI вѣка относительно своей выдающейся роли во всемъ православномъ мiрѣ, частiю обуславливали всю церковную дѣятельность этого времени и главнымъ образомъ

¹⁾ Пр. Соб. 1863 г. I, 344.

соборы о новыхъ чудотворцахъ, доказательствомъ тому служить написанное, по порученію митр. Макарія, житіе св. Михаила клоцкаго. Писатель этого житія проводитъ ту мысль, что изысканія о жизни и дѣйствіяхъ святыхъ, направленные къ ихъ прославленію, производятся съ тою цѣлю, чтобы доказать, что русская церковь, хотя она и въ одиннадцатый часъ выступила исторіи (т. е., основалась послѣ другихъ восточныхъ церквей), но преуспѣвала усердіемъ дѣлателей отъ перваго часа. Не въ терніи и не на камени надали ея сѣмена, но на доброй тучной землѣ они приносили сторицествующіе плоды. Она столько воспитала святыхъ и великихъ мужей, что вселенная удивляется ихъ добродѣтельному житію. Ихъ прославляютъ не только православные, но и не разумѣющіе Бога, какъ объ этомъ ясно сказано въ житіи чудотворца и святителя Алексія, когда онъ удивилъ безбожныхъ агарянскихъ царей и львообразную ярость ихъ превратилъ въ овчю кротость ¹⁾. Другой біографъ, также стоявшій подъ вліяніемъ Макарія, описываетъ въ яркихъ чертахъ то впечатлѣніе, которое производили соборы о канонизаціи, и тѣмъ указываетъ и мотивы, вызвавшіе ихъ. Біографъ св. Саввы крыпецкаго, извѣстный авторъ псковскихъ житій, Василій, упомянувъ о соборномъ установленіи празднованія новымъ чудотворцамъ, замѣчаетъ, что съ того времени церкви Божіи въ русской землѣ не вдовствуютъ памятьми святыхъ и русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ, якоже второй Римъ и царствующій градъ: „тамо бо вѣра православная испроказися махметовою ересію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ рустѣй землѣ наче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ“ ²⁾.

Политическія условія, съ своей стороны, немало содѣйствовали развитію такого направленія и проведенію его въ жизнь. Кіевъ, Псковъ, Новгородъ, Суздаль и другіе центры древне-русской жизни, потерявъ самостоятельность, присоединились къ Москвѣ и подчинились центральной церковной власти. Мѣстные свя-

¹⁾ Читъ въ Общ. люб. д. пр., 1878 г., I, 420—21.

²⁾ Ключ., Житія, 227—28.

тые древнихъ городовъ русскихъ, дотолѣ праздновавшіеся у себя дома, теперь являются какъ всероссійскіе святые и памяти ихъ торжественно устанавливаются на этихъ соборахъ.

Итакъ, съ одной стороны. усиленіе центральной власти русской церкви, которое необходимо должно было отразиться и на канонизаціи святыхъ, уничтоживъ мѣстность ихъ почитанія, съ другой, эти новыя воззрѣнія на русскую церковь, какъ на единственную представительницу теперь православія, которыя побуждали церковь собрать въ одно цѣлое все мѣстныя преданія о святыхъ и сдѣлать почитаніе ихъ общимъ, чтобы наглядно показать, что наша церковь по количеству въ ней угодниковъ Божіихъ вполне можетъ соответствовать своему новому положенію, — все это вполне могло послужить источникомъ идеи, которая лежитъ въ основѣ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ. Въ гражданской жизни эти новыя воззрѣнія нашего народа наглядно выразились въ вѣнчаніи Грознаго на царство, благодаря чему, прежнее московское княжество стало государствомъ; въ жизни же церкви эти новыя обстоятельства, въ силу того, что послѣдняя должна была соответствовать величію государства, послужили источникомъ къ прославленію нашихъ святыхъ.

Своего выразителя эта мысль, легшая въ основу соборовъ 1547 и 1549 годовъ, нашла въ лицѣ знаменитаго дѣятеля этой эпохи, митрополита Макарія. Послѣдній скорѣе и лучше, чѣмъ кто другой, могъ выполнить и осуществить это дѣло — произвести канонизацію святыхъ доселѣ мѣстно чтимыхъ, какъ по своему личному характеру, такъ и по обстоятельствамъ жизни, давшей ему средства для осуществленія своихъ плановъ. Дѣятельность митрополита Макарія въ санѣ архіепископа новгородскаго и затѣмъ митрополита московскаго даетъ намъ полное право сдѣлать заключеніе о немъ, какъ о человѣкѣ, который цѣлью жизни своей поставилъ исправленіе недостатковъ, вѣками накопившихся въ русской церкви, и приведеніе въ болѣе строгій порядокъ того, что „поизшталось“. Прибывши въ Новгородъ великій, въ качествѣ его владыки, онъ вводитъ правильное общежитіе въ тамошніе монастыри, строятъ и украшаетъ храмы, коновлаетъ обветшавшіе памятники

церковной святости, заботится объ украшеніи города, чтобы, по выраженію современнаго лѣтописца, было „велики дѣло и чудно видѣти“¹⁾. Благодаря этой своей дѣятельности, обусловленной его личнымъ характеромъ, Макарій достигъ того, что новгородцы, еще не совсѣмъ привыкшіе къ своей потерѣ свободы и потому враждебно относившіеся къ Москвѣ и посылаемымъ отсюда въ Новгородъ правительственнымъ лицамъ, такъ были довольны управленіемъ Макарія, что тотъ же лѣтописецъ, резюмируя результаты его дѣятельности, съ восторгомъ говоритъ; „и бысть при семъ владыцѣ во всей его архіепископії молитвами его времена тиха и прохладна: коробью убо жита купили по семи новгородокъ“²⁾. Сдѣлавшись митрополитомъ всероссійскимъ, Макарій точно также дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Стоглавый соборъ и соборы о новыхъ чудотворцахъ проникнуты тою же руководящею его дѣятельностью идеєю поновленія и приведенія въ порядокъ стараго, пришедшаго въ упадокъ. Эта господствующая черта дѣятельности этого іерарха для насъ будетъ понятна, если мы хотя немного познакоимся съ его жизнію. Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Макарій вышелъ изъ монастыря Пафнутія боровскаго, воспитался въ преданіяхъ сѣеры, изъ которой вышло замѣтно выдѣляющееся направленіе въ средѣ русскаго монашества XVI вѣка: согласно съ духомъ своего родоначальника, въ которомъ біографъ выставляетъ преобладающей чертой чувство мѣры— „безмѣрія во всемъ убѣгая, егда время бѣ, глаголаше потребная, и егда подобно, молчанію прилежае, все во время твора“, —эта школа отличалась стремленіемъ къ дисциплинѣ, ко внѣшнему порядку и благолѣшію и сильнымъ практическимъ смысломъ“³⁾.

На основаніи всего сказаннаго о личномъ характерѣ митрополита Макарія и его дѣятельности, не трудно теперь для насъ рѣшить и вопросъ о томъ, кому принадлежала самая инициатива этихъ соборовъ. Въ нѣкоторыхъ источникахъ, сохранившихъ до

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 301.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 282.

³⁾ Ключев., Житія 221—222.

нашего времени свѣдѣнія о соборахъ 1547 и 1549 г., дѣло представляется такъ, что инициатива этихъ соборовъ и произведенной на нихъ канонизаціи принадлежитъ Іоанну IV-му. Такъ, въ житіи митрополита Іоны, авторъ его, сказавъ, что памяти многихъ святыхъ, прославленныхъ чудесами, „отъ многъ временъ и доннѣ сокровены и забвенію преданы“, продолжаетъ далѣе: „и сего ради христіолюбивый царь и великій князь Иванъ возвѣщаетъ боголюбезнѣйшему митрополиту Макарію всея Русіи и совѣта блага просить отъ него, еже отъ многаго благоговѣнія и любви имѣя желаніе въ мысли своей, дабы симъ новѣйшимъ чудотворцемъ уставити праздноство во святыхъ Божіихъ церквахъ повсюду, якоже и прежнимъ, иже въ русской земли провозсѣавшимъ новымъ чудотворцемъ“ ¹⁾. Та же самая мысль проводится довольно ясно и въ окружной граматѣ этого митрополита, посланной имъ въ Вологду и на Бѣлоозеро и въ Троицкій Сергіевъ монастырь ²⁾. Но гораздо вѣрнѣе, кажется, дѣло представляется въ Стоглавѣ. Въ последнемъ ничего не говорится о первомъ соборѣ, инициатива же втораго собора ясно приписывается митрополиту Макарію и бывшему подъ предсѣдательствомъ его первому собору: „по вашему святительскому соборному благословенію и прощенію и вашихъ ради святыхъ молитвъ Божіимъ строеніемъ осія благодать Св. Духа и коснуса разуму моему, възде на память мнѣ и вожделѣ душа моя великое и неистошное богатство отъ многихъ временъ сокровенно и забвенію предано“ ³⁾ и проч. А у Карамзина прямо говорится, что „пресвященный Макарей митрополить, да съ Алексѣемъ, епископомъ ростовскимъ и ярославскимъ и проч., со всѣмъ священнымъ соборомъ уставили есмя нынѣ праздновати новымъ чудотворцемъ въ русской землѣ“ ⁴⁾ и проч., и слѣдовательно, инициатива этого перваго собора относится къ самому митрополиту Макарію. Последнее представленіе дѣла будетъ вѣрнѣе. Ибо трудно

¹⁾ Ключев., житія, прилож. 4, 461.

²⁾ См. первую въ А. Э., 1, № 213; вторую—Чт. Общ. л. д. пр., 1878 г., 1, 428—429.

³⁾ Стоглавъ, 43.

⁴⁾ Карамзинъ, Исторія Г. Р., т. IX, примѣч 87, стр. 26.

представлять, чтобы у семнадцатилѣтняго царя-юноши, и притомъ юноши невоздержнаго, преданнаго всѣмъ излишествамъ молодости, могла возникнуть идея о канонизаціи святыхъ и притомъ въ такой непримѣрной въ исторіи формѣ, въ какой она была произведена на этотъ разъ. Если же въ житіи Іоны и въ первыхъ двухъ приведенныхъ грамотахъ инициатива дѣла приписывается самому царю, то только или потому, что Іоаннъ, толкнутый Макаріемъ посредствомъ вѣнчанія его на царство на новый жизненный путь, вездѣ и всюду хотѣлъ усвоить себѣ не только первенствующую роль, но даже и инициативу, при чемъ, конечно, митрополитъ не могъ препятствовать государю въ этомъ безвредномъ въ существѣ дѣла желаніи его; или потому, что царь дѣйствительно принималъ видное участіе въ этихъ соборахъ, такъ какъ требовалось прежде всего его соизволеніе относительно ихъ, затѣмъ разрѣшеніе на призывъ мѣстныхъ владыкъ и вообще ему могла принадлежать вся внѣшняя административная дѣятельность, направленная на подготовленіе соборовъ; вслѣдствіе всего этого, въ окружающихъ грамотахъ инициатива послѣднихъ и могла быть приписана самому царю, хотя это и несправедливо. Что дѣйствительно инициативу этихъ соборовъ нужно приписывать именно митрополиту Макарію, непрерываемымъ свидѣтельствомъ въ пользу этой мысли можетъ служить и вся дѣятельность его въ Новгородѣ по составленію громаднѣйшаго изъ сборниковъ житій святыхъ и его особенная заботливость о написаніи житій русскихъ святыхъ. „Макарьевскія Четьи-Миней, говоритъ В. О. Ключевскій, представляютъ такую же попытку централизаціи въ области древне-русской письменности, какой были соборы 1547 и 1549 годовъ въ области русскихъ церковно-историческихъ воспоминаній“¹⁾. Задавшись цѣлью собрать „всѣ святыя книги, какія обрѣтаются въ русской землѣ“, Макарій долженъ былъ столкнуться съ тою же мѣстностью сказаній, какая была и въ почитаніи святыхъ. Ибо, говоритъ Буславѣвъ, въ древней Руси первоначально не было и не могло быть словесности вообще русской, а были преданія, сказанія и пѣсни. —

¹⁾ Ключев.. Житія 229.

кіевскія, новгородскія, муромскія, рязанскія, ростовскія, смоленскія и т. д. Даже Москва, коренившаяся на преданіяхъ суздальскихъ и владимірскихъ, сначала является въ литературѣ съ своими мѣстными исключительными интересами, и только съ половины XVI вѣка начинаетъ поглощать въ своей энергической дѣятельности мѣстныя особенности старыхъ городовъ ¹⁾. Эта мѣстность и разбросанность сказаній, вслѣдствіе чего происходила ихъ недоступность для всего русскаго общества, естественно, могла навести Макарія на мысль собрать послѣднія всё по возможности въ одинъ сборникъ и сдѣлать чрезъ это ихъ общедоступными. Къ осуществленію этой мысли Макарій приступилъ, еще будучи архіепископомъ новгородскимъ, именно въ 1529 году, и надъ исполненіемъ ея работалъ очень долгое время. Дѣятельность эта по составленію его Четьи-Миней, въ которыя онъ старался собрать между прочимъ, и житія русскихъ святыхъ, естественно, могла натолкнуть его на мысль произвести общую канонизацію святыхъ, доселѣ только мѣстно-чтимыхъ, и чрезъ это сдѣлать почитаніе ихъ всецерковнымъ. Такимъ образомъ, въ этой дѣятельности Макарія по составленію Четьи-Миней можно видѣть начало и источникъ самой мысли соборовъ о новыхъ чудотворцахъ.

Какъ соборъ 1547 года, такъ и соборъ 1549 г. имѣютъ совершенно одинаковую цѣль и одинъ и тотъ же предметъ; благодаря этому единству цѣлей и предмета ихъ, второй соборъ является естественнымъ продолженіемъ перваго; вслѣдствіе чего оба эти собора можно разсматривать за одинъ соборъ, какъ нѣкоторыя дѣйствительно и дѣлаютъ ²⁾. Если же мы не слѣдуемъ этому плану, то единственно только въ видахъ достиженія ясности и бѣльшей раздѣльности представленія о каждомъ изъ нихъ, чего, конечно, трудно достигнуть при одновременномъ и совмѣстномъ изложеніи исторіи этихъ соборовъ.

¹⁾ Буслаевъ, Истор. очерки русск. нар. словесн. 11, 108.

²⁾ Напр., В. О. Ключевскій.

II.

Соборъ 1547 года.

Изъ предварительныхъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ мы знаемъ, что инициатива ихъ созванія должна быть приписываема митрополиту Макарію. Поэтому дѣло можно представлять слѣдующимъ образомъ. Занимаясь составленіемъ своихъ Четьи-Миней, Макарій, естественно, могъ натолкнуться на мысль о всецерковномъ прославленіи святыхъ, большинство которыхъ до сихъ поръ только мѣстно чтилось. Безъ сомнѣнія, эту мысль онъ не замедлилъ сообщить царю, Ивану IV. Послѣдній, находясь въ это время подъ благотворнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, самого Макарія, съ другой— Сильвестра и Адашева, переживалъ самые лучшіе годы своего царствованія, когда онъ съ усиленною энергіею заботился о нуждахъ государства и церкви. Неудивительно поэтому, что молодой царь, только что самъ торжественно вѣнчавшійся на царство, близко къ сердцу принялъ мысль митрополита и постарался употребить всѣ мѣры съ своей стороны къ ея осуществленію. И вотъ, благодаря дружнымъ усиліямъ этихъ двухъ выдающихся дѣятелей этой эпохи, въ 1547 году 26 февраля созывается въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, соборъ, на которомъ присутствовали: Алексѣй, архіепископъ ростовскій и ярославскій, Иона, епископъ суздальскій и торусскій, Иона, епископъ рязанскій и муромскій ¹⁾, Акакій, епископъ тверской, Феодосій, епископъ коломенскій и каширскій, Савва, епископъ сарскій и подонскій, и Кипріанъ, епископъ пермскій и вологодскій, архимандриты и игумены ²⁾.

Списокъ святыхъ, канонизованныхъ на соборахъ 1547 и 1549 годовъ, заключается въ четырехъ извѣстныхъ намъ документахъ

¹⁾ Въ А. Э. № 213, 203 — Рязанскій епископъ навванъ Іосифомъ, — но это невѣрно, — вообще эта грамота съ ошибками писца: поэтому мы будемъ болѣе обращаться къ Карамзину, у котораго въ примѣчаніи 87 (9 т., 26) помѣщена выдержка изъ старой рукописной книги Іосифа Волоколамскаго монастыря объ этихъ соборахъ.

²⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. IX, прим. 87, 26; А. Э. № 213.

и во всѣхъ ихъ въ неполномъ и неточномъ видѣ. Документы эти слѣдующіе: а) перечень святыхъ, напечатанный у Карамзина ¹⁾; б) грамота митрополита Макарія на Бѣлоозеро ²⁾; в) изложеніе соборное Макарія, посланное имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь ³⁾; г) редакція житія митрополита Іоны ⁴⁾. Первые три документа содержатъ въ себѣ перечень только тѣхъ, которые причислены къ лику святыхъ на соборѣ 1547 года. Въ послѣднемъ документѣ перечисляются святые безъ указанія на то, на какомъ изъ двухъ соборовъ какой святой былъ канонизованъ. Но такъ какъ имена святыхъ, канонизованныхъ на соборѣ 1547 г., извѣстны изъ первыхъ трехъ документовъ, то, очевидно, сопоставленіе первыхъ трехъ и послѣдняго актовъ даетъ возможность опредѣлять, на какомъ изъ соборовъ какой святой былъ канонизованъ.

По карамзинскому списку, на соборѣ 1547 года положено праздновать 12 святымъ повсюду и 9 мѣстно; въ грамотѣ митрополита на Бѣлоозеро перечислены тѣ же святые, кромѣ св. Александра Невского, въ „изложеніи соборномъ Макарія митрополита, посланномъ въ Троице-Сергіеву лавру, напротивъ, къ канонизованнымъ на первомъ соборѣ святымъ причислены еще св. Савва сторожевскій и Никита, архіепископъ новгородскій; такъ что по послѣднему акту всѣхъ святыхъ, которымъ установлено этимъ соборомъ повсемѣстное празднованіе, оказывается не 12 и не 11, какъ въ прежде извѣстныхъ актахъ, а 14. Въ житіи митрополита Іоны находится въ числѣ канонизованныхъ святыхъ и Савва сторожевскій и Никита, архіепископъ новгородскій (послѣдній, впрочемъ, вмѣстѣ съ Нифонтомъ, архіепископомъ новгородскимъ, приписаны на поляхъ, а не въ текстѣ) ⁵⁾.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ относительно всѣхъ ихъ можно съ равнымъ правомъ думать, что имена святыхъ въ нихъ могли быть

¹⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. IX, прим. 87, 26.

²⁾ А. Э. № 213.

³⁾ Чт. Общ. люб. д. пр., 1878 г., 1, 428—29.

⁴⁾ Ключевскій, Житія, прил. 4, 460—63.

⁵⁾ Ключев., Житія, 462, примѣч. 2.

дополняемы писцами, или же послѣдніе могли дѣлать пропуски. Отсюда, конечно, весьма трудно составить совершенно вѣрный списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. Впрочемъ, относительно 12 святыхъ, перечисленныхъ у Карамзина въ списокѣ всеобщихъ святыхъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія и недоразумѣнія, потому что они встрѣчаются во всѣхъ другихъ документахъ почти безъ всякихъ измѣненій. Сомнѣніе можетъ только являться относительно двухъ святыхъ—это Саввы сторожевскаго и Никиты, архіепископа новгородскаго, изъ которыхъ первый упоминается и въ житіи Іоны и въ соборномъ изложеніи митрополита Макарія въ Сергіеву лавру, а второй только въ послѣднемъ, при чемъ оба эти святые въ этомъ уложеніи стоятъ въ списокѣ всеобщихъ святыхъ. Противъ внесенія пр. Саввы сторожевскаго въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, мы ничего не можемъ сказать; что же касается до св. Никиты, архіепископа новгородскаго, то есть основанія относить его канонизацію къ позднѣйшему времени, именно къ 1558 году ¹⁾. Поэтому перечень

¹⁾ Канонизацію Никиты, архіепископа новгородскаго, относятъ—одни къ собору 1547 г. (г. Лебедевъ), другіе — къ собору 1549 г. (Макарій и Сергій, Агіол. 1, 193). Но намъ кажется, что какъ то, такъ и другое мнѣніе о времени совершенія канонизаціи этого святаго несправедливо. Единственное основаніе, которое еще можетъ говорить въ пользу канонизаціи св. Никиты на этихъ соборахъ, — это то, что имя его находится въ соборномъ уложеніи Макарія въ Троицкую Лавру. Что же касается до житія митр. Іоны, гдѣ имя этого святаго находится на полѣ, а не въ текстѣ, то оно едва ли можетъ служить основаніемъ; такъ какъ, очевидно, имя его внесено когда-то послѣ. Поэтому вѣрнѣе и послѣдовательнѣе уже будетъ, какъ это и дѣлаетъ г. Лебедевъ, относить канонизацію св. Никиты къ первому собору. Но и съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ трудно согласиться по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, нѣтъ рѣшительно никакого основанія утверждать, что соборное уложеніе митрополита Макарія въ Троицкую Лавру не могло подвергнуться ошибкамъ и порчѣ со стороны переписчиковъ. Примѣръ такой ошибки писца мы встрѣчаемъ въ подобной же граматѣ того же митрополита на Бѣлоозеро, въ которой опущено имя св. Александра Невскаго. Затѣмъ, ниже мы увидимъ, что канонизація того или другаго святаго на этихъ соборахъ стояла въ тѣсной зависимости отъ существованія житія и канона святому. Для перваго собора послѣднія были собраны и приготовлены самимъ Макаріемъ; для послѣдняго же собора это было сдѣлано епархіальными обысками. Между тѣмъ ни житія, ни службы св. Никитѣ мы не на-

святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, по указаннымъ спискамъ, долженъ явиться въ слѣдующемъ видѣ:

На соборѣ 1547 года положено праздновать:

а) *Всюду:*

б) *Мѣстно:*

1) Иоанну, архіеп. новгородскому, 7 сентября,

1) Константину и чадамъ его Михаилу и

ходимъ въ это время,—явный признакъ того, что онѣ еще не были составлены. Ибо при существованіи ихъ трудно объяснить, почему митрополитъ Макарій, такъ долго жившій въ Новгородѣ и тамъ составлявшій свои Четыи Минеи, не помѣстилъ ихъ въ послѣднія. Между тѣмъ есть основанія относить канонизацію св. Никиты къ 1558 г., когда открыты были его мощи и когда составлено было житіе его. Мысль объ открытіи мощей этого святителя явилась нѣсколько ранѣе 1558 года. Именно, какъ рассказывается въ повѣсти объ обрѣтеніи мощей его, еще въ 1547 году одному царедворцу, которому былъ порученъ надзоръ за церковными дѣлами въ Новгородской области, ночью предъ праздникомъ Пасхи, въ соборной церкви, при чтеніи Дѣяній Апостольскихъ, послышался голосъ, повелѣвавшій ему украсить покровомъ гробницу св. Никиты. Спустя нѣсколько лѣтъ, тотъ же царедворецъ рѣшился, выбравъ удобное время, продѣлать скважину въ каменной крышѣ гробницы и, пропустивъ туда зажженную свѣчу, увидѣлъ тѣло святителя Никиты, покрытое покровомъ и казавшееся совершенно цѣлымъ и не распавшимся въ составѣхъ. Онъ донесъ объ этомъ владыкѣ Пимену, а владыка—митрополиту и самодержцу (Рук. Тр. С. Л., № 673, л. 371—74). Эти свѣдѣнія дополняетъ вторая Новгородская Лѣтопись, въ которой мы находимъ подъ 1558 годомъ слѣдующее извѣстіе: «Въ лѣто 7036... сотворилъ Маркелль житіе Никитѣ епископу новгородскому и кануль, да поѣхалъ Маркелль изъ Новгорода къ Москвѣ. Да того же лѣта, мѣсяца Апрѣля въ 30 день обрѣтоша мощи, епископа св. Никиты цѣлы и положиша ихъ въ новый ларець» (П. С. Р. л. 3, 158). Сопоставляя эти извѣстія «повѣсти» объ обрѣтеніи мощей съ лѣтописью, можно думать, что какъ скоро, благодаря донесенію царедворца, явилась мысль объ открытіи мощей и прославленіи св. Никиты, то владыка Пименъ озабочился, прежде всего, о составленіи житія и качона ему, какъ необходимыхъ для канонизаціи вообще, которыя и были написаны, по его порученію, бывшимъ игуменомъ Хутынскаго монастыря Маркелломъ въ 1557 году (Обзоръ дух. лат. 210 стр.) Затѣмъ, владыка послалъ его въ Москву за разрѣшеніемъ митрополита и государя открыть мощи св. Никиты. Вѣроятно, что разрѣшеніе и быто получено въ 1558 году, когда 30 апрѣля и были открыты его мощи, и тогда же, вѣроятно, установленъ былъ праздникъ въ честь св. Никиты. Такимъ образомъ, канонизацію этого святаго есть все основанія относить ко времени открытія его мощей. т. е., къ 1558 году.

Іонѣ, митрополиту всея Руси,
30 марта,

Пафнутію Брѣвскому, 1 мая,
Никону Радонежскому, 17
ноября,

5) Саввѣ Сторожевскому, 3
декабря,

Макарію Колязинскому, 11
марта,

Михаилу Ключскому, 11 января,

Зосимѣ Соловецкому, 17 апр.,

Савватію Соловецкому, по лавр.
17 апр., по Карамзину, 27 сент.,

10) Павлу Комельскому, 10
января,

Діонисію Глушицкому, 1 іюня,

Александрѣ Свирскому, 30 авг.,

13) Александрѣ Невскому,
23 ноября.

Феодору Муромскимъ, 1 мая,
Петру и

5) Февроніи Муромскимъ, 25
іюня,

Арсенію Тверскому, 2 марта,
Максиму Московскому юриди-
вому, 13 августа,

Проконію и

9) Іоанну Устюжскимъ, на
Устюгѣ, 8 іюля ¹⁾).

Вотъ и все, что сохранила намъ достовѣрнаго исторія объ этомъ соборѣ. Какъ видимъ, извѣстія очень немногочисленныя! Само собою разумѣется, что при такомъ незначительномъ количествѣ извѣстій трудно воспроизвести полную картину этого собора, а тѣмъ болѣе написать исторію его. На многіе вопросы, какъ напр.: были ли какія нибудь подготовительныя работы къ нему,

¹⁾ Г. Лебедевъ. при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, слѣдуетъ исключительно «уложенію соборному» митрополита Макарія, посланному имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь. вслѣдствіе чего у него, вмѣсто 12 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ повсемѣтные празднованія, получается 14 (Чт. Общ. л. д. пр. 1878 г. т. 1. 423—24). Но мы уже говорили, что совершенно нѣтъ никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ возможность порчи ихъ переписчиками для всѣхъ ихъ одинакова. Пресв. Сергій (Агіолог. 1, 15. 193) и Макарій относятъ канонизацію св. Саввы Сторожевскаго и Никиты, архіеп. новгородскаго, къ собору 1549 г., слѣдую, очевидно, при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 г. Карамзину и Ключевскому (Ц. И. Макарія 8. 44).

какими основаніями руководствовались отцы собора, канонизуя именно этихъ святыхъ, тогда какъ много было и другихъ, канонизація которыхъ совершена была уже послѣ, на второмъ соборѣ 1549 года; какія были основанія, въ силу которыхъ отцы собора однимъ святымъ установили празднованіе всецерковное, а другимъ—только мѣстное,—какъ совершалась, наконецъ, самая канонизація всѣхъ этихъ святыхъ,—на всѣ эти вопросы въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ мы не находимъ никакого отвѣта. Причина, почему объ этомъ соборѣ дошло до насъ такъ мало извѣстій, прежде всего, конечно, заключается въ томъ, что не сохранились самые акты или дѣянія его ¹⁾. За неимѣніемъ этихъ актовъ, для того, чтобы изслѣдованіе о соборѣ было болѣе или менѣе полно, приходится руководствоваться незначительными указаніями, разсѣянными въ нѣкоторыхъ житіяхъ святыхъ, написанныхъ во время или немного послѣ этого собора, и на основаніи ихъ давать болѣе или менѣе *вѣроятные* отвѣты на всѣ вышеуказанные вопросы. Для рѣшенія же нѣкоторыхъ вопросовъ, безъ которыхъ исторія его была бы неполною, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, приходится прибѣгать къ предположеніямъ, при чемъ дать послѣднимъ характеръ положительной истины, кажется, нѣтъ возможности. Отсюда и все изслѣдованіе собственно о внутренней сторонѣ этого собора по необходимости должно будетъ принять нежелательный намъ характеръ гипотетической. Не имѣя возможности измѣнить этого послѣдняго, мы постараемся сдѣлать одно,—это собрать все, что только можно, объ этихъ соборахъ, воспользоваться самыми незначительными извѣстіями, чтобы наши предположенія о тѣхъ или другихъ возникающихъ вопросахъ, насколько возможно, ближе под-

¹⁾ Вообще судьба этихъ соборовъ въ исторіи представляется довольно странною и трудно объяснимою. Изъ приведенныхъ уже нами словъ извѣстнаго агіобіографа макарьевскихъ временъ. Василія, мы можемъ видѣть, какое сильное впечатлѣніе производили эти соборы на современниковъ. Но несмотря однако на это, ни въ житіяхъ, въ такомъ множествѣ появившихся у насъ въ то время, ни даже въ лѣтописяхъ, всегда чутко отъликающихся на всякое выдающееся явленіе въ жизни церкви, мы не находимъ извѣстій объ этихъ соборахъ, а послѣднія такъ и совсѣмъ молчатъ о нихъ.

ходили къ истинѣ. Прежде всего постараемся отвѣтить на первый вопросъ: были ли какія нибудь подготовительныя работы къ этому собору?

Исторія не сохранила извѣстій о какихъ либо изысканіяхъ о жизни и чудесахъ святыхъ, спеціально назначенныхъ для собора 1547 года. Съ большею вѣроятностію можно предполагать, что такихъ спеціальныхъ изслѣдованій и изысканій и не было. Ибо такія предварительныя изысканія къ собору 1547 года вполнѣ могли замѣнять собою макарьевскія Четы-Минеи. Что, дѣйстви-тельно, послѣдняя мысль имѣетъ основаніе, — это можно видѣть уже изъ самаго процесса собиранія Макаріемъ въ Новгородѣ русскихъ сказаній о святыхъ. Задавшись этою цѣлію, Макарій образовалъ около себя цѣлое литературное общество, члены котораго одни ры-лись въ монастырскихъ библіотекахъ, стараясь найти нужный имъ матеріаль, другіе переписывали разныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія, или передѣлывали старыя сообразно тре-бованіямъ времени. Самъ Макарій принималъ въ этой общей ра-ботѣ самое дѣятельное участіе. Онъ, какъ говоритъ одинъ изъ его помощниковъ, Илья, любилъ „день и ночь, яко пчелы сладость отовсюду приносить, поискати святыхъ житія. Мнози отъ святыхъ забвенію предани быша, сихъ убо святитель подъ спудомъ не скры-ваетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ“. Но кромѣ этого общаго характера дѣятельности этого архіепископа въ Новгородѣ, дѣятельности, направленной на отысканіе житій русскихъ святыхъ и ихъ переработку, при чемъ характеръ послѣдней, какъ ниже уви-димъ, ясно показываетъ, что митрополитъ имѣлъ въ виду церков-ное употребленіе ихъ, есть еще одинъ фактъ, который можетъ говорить въ пользу нашей мысли. Въ 1537 году, по распоряже-нію Макарія, составлена была Василиемъ Михайловичемъ Тучко-вымъ новая редакція житія св. Михаила Клопскаго. Характеръ этой новой редакціи житія и тѣ побужденія, которыя ее вызвали, показываютъ, что архіепископъ имѣлъ въ виду будущее церковное употребленіе житія, что въ свою очередь необходимо требовало канонизаціи святаго. Прежняя редакція житія Михаила Клопскаго казалась архіепископу „весьма простою“, т. е., лишенною условнаго

риторизма и вообще условныхъ литературныхъ формъ житія, назначеннаго для церковнаго употребленія. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что, по распоряженію архіепископа Макарія, (слѣдовательно ранѣе собора 1547 года), написанъ былъ тому же преп. Михаилу Клопскому канонъ пресвитеромъ Иліею ¹⁾. Это уже прямо говоритъ за намѣреніе Макарія произвести канонизацію этого святаго. Соборъ 1547 года, опредѣляя предметы изысканій для будущаго собора о канонизаціи святыхъ, ясно указываетъ именно на житія, каноны и чудеса.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ нами вопросомъ стоитъ и слѣдующій за нимъ вопросъ,—почему соборъ 1547 года изъ множества святыхъ выбралъ и канонизовалъ именно только это ограниченное ихъ количество, а не другое? Рѣшивъ такъ или иначе первый вопросъ, мы постараемся дать отвѣтъ и на второй вопросъ, частію зависящій отъ рѣшенія перваго. Рѣшеніе послѣдняго откроетъ намъ то основаніе, которымъ соборъ руководился при своей канонизаціи святыхъ. Мы уже знаемъ, что предварительное изысканіе, которое предшествовало этому собору, тѣсно соединяется съ макарьевскими Четы-Минеями. Макарій, составляя послѣднія, одинъ производилъ тотъ обыскъ о новыхъ чудотворцахъ, который потомъ производили уже епархіальные владыки, подготавливая агіобіографическій матеріалъ для слѣдующаго собора 1549 года. Эта подготовительная работа Макарія имѣла своимъ результатомъ собраніе житій русскихъ святыхъ, возвращавшихся въ тогдашней литературѣ. При этомъ, конечно, нельзя думать, чтобы въ руки его попали всѣ житія святыхъ мѣстно чтимыхъ, а, вѣроятно, только житія болѣе извѣстныхъ и чтимыхъ святыхъ и потому болѣе другихъ распространенныя. Для канонизаціи того или другаго святаго необходимы были служба и житіе его, которыя могли бы пѣться и читаться въ день празднованія памяти его. Поэтому естественно, что когда у Макарія возникла мысль совершить канонизацію святыхъ, то онъ обратилъ прежде всего вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, службы и житія которыхъ имъ были

¹⁾ Чт. Общ. ж. д. пр., 1878 г., 1, 422.

собраны и просмотрѣны. Здѣсь, такимъ образомъ, открывается литературный источникъ канонизаціи 1547 года: установленіе празднованія извѣстному святому условливалось существованіемъ житія и канона, которыя можно было бы читать и пѣть въ церкви въ день его памяти¹⁾. Дѣйствительно, присматриваясь къ списку 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ въ немъ все такія имена святыхъ, память которыхъ уже задолго до этого времени читалась церковнымъ образомъ, на что указываетъ существованіе ихъ житій и канонъ. Но однимъ этимъ источникомъ, однако же, нельзя объяснить списокъ именъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года. Ибо въ это время были и другіе святые, имѣвшіе службу и житіе, которые, однако, почему то не попали въ этотъ списокъ 13. Такъ, ни къ общимъ, ни даже къ мѣстнымъ святымъ соборъ не причислил ни князя тверскаго Михаила, ни князей ярославскихъ Василя и Константина, хотя житія ихъ были давно составлены, а послѣдніе были даже прославлены открытіемъ мощей въ 1501 г. Чѣмъ, спрашивается, объяснить такое явленіе? Очевидно, соборъ, если бы онъ руководился исключительно однимъ литературнымъ источникомъ, долженъ былъ бы причислить и этихъ князей къ лику святыхъ. Здѣсь, такимъ образомъ, открывается необходимость предположить другой какой нибудь источникъ канонизаціи на этомъ соборѣ. Можн о думать, что послѣднимъ могло быть повсемѣтно распространенное въ русскомъ обществѣ почитаніе святаго. Но присматриваясь къ списку 13, которымъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, не трудно видѣть, что только двоимъ изъ всего этого числа, именно: Александру Невскому и митрополиту Іонѣ можно усвоить широкую извѣстность въ русскомъ церковномъ обществѣ до соборнаго опредѣленія 1547 г.; остальные пріобрѣли ее вслѣдствіе этого опредѣленія и были прежде святыней мѣстности гдѣ подвизались и покоились по смерти²⁾. Не имѣя возможности послѣднее признать условіемъ. дѣйствовавшимъ на соборѣ 1547 г.,

¹⁾ Ключев., Житія, 223.

²⁾ Ключев., Житія, 224.

мы должны опять обратить вниманіе на житія и службы и въ степени ихъ распространенности въ тогдашнемъ церковномъ обществѣ искать объясненія списка святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе. А это послѣднее обстоятельство приводитъ насъ снова къ макарьевскимъ Четьи-Минеямъ. Очевидно, что житія святыхъ болѣе распространенныя имѣли больше шансовъ попасть въ послѣднія. Сдѣлавшись же извѣстными Макарію и чрезъ него другимъ членамъ собора, эти святые, слѣдовательно, могли имѣть и больше шансовъ на канонизацію ихъ на этомъ соборѣ. Такимъ образомъ, остается признать, что выборъ опредѣлился двумя условіями: существованіемъ житій и каноновъ этихъ святыхъ и степенью распространенности ихъ въ письменности того времени. Случайность выбора, зависѣвшая отъ этого послѣдняго условія, становится еще замѣтнѣе, при сопоставленіи списка 1547 года съ количествомъ русскихъ житій, написанныхъ до собора, и съ ихъ сравнительнымъ распространеніемъ въ письменности первой половины XVI вѣка. Почти всѣ имена, занесенныя въ списокъ 13, принадлежатъ святымъ, житія которыхъ встрѣчаются въ рукописяхъ этого времени гораздо чаще, сравнительно съ житіями другихъ, хотя также давно написанными ¹⁾ Послѣ этого легко дать отвѣтъ и на вопросъ, почему другіе святые, напр.: Михаилъ Тверской и Ярославскіе князья св. Василій и Константинъ и многіе другіе, житія и каноны которыхъ были уже составлены, не были канонизованы на этомъ соборѣ отвѣтъ этотъ будетъ состоять въ томъ что, судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ, есть основаніе считать житія названныхъ святыхъ очень мало распространенными въ письменности до половины XVI вѣка и этимъ объяснять ихъ отсутствіе въ минеяхъ Макарія.

Наконецъ, при сужденіи о томъ, почему соборъ 1547 года установилъ празднованіе именно этимъ святымъ, а не другимъ, нельзя упускать изъ виду и дѣйствіе третьей причины. Мы уже знаемъ, что макарьевскія Четьи-Минеи составлялись въ Новгородѣ. Отсюда новгородскіе святые всего скорѣе могли попасть въ

¹⁾ лючев., Житія, 224.

нихъ. А это послѣднее обстоятельство могло, какъ мы видѣли, служить и поводомъ къ ихъ канонизаціи. Къ другимъ же святымъ, канонизованнымъ на этомъ соборѣ, митрополитъ имѣлъ личное усердіе, какъ напр.: къ Іонѣ, митрополиту московскому, Александру Невскому и Пафнутію Боровскому. Поэтому мы не ошибемся, кажется, если предположимъ, что списокъ святыхъ составлялся на соборѣ подъ большимъ вліяніемъ предсѣдателя этого собора, т. е., Макарія. По крайней мѣрѣ это вліяніе послѣдняго можно видѣть въ томъ, что почти $\frac{2}{3}$ изъ 13 общихъ святыхъ составляютъ съ одной стороны святыне Новгорода, каковы: Іоаннъ архіепископъ новгородскій, преп. Зосима и Савватій соловецкіе Миха ль Клопскій и Александръ Свирскій, а съ другой—святыне, къ которымъ Макарій питалъ личное усердіе, именно: Пафнутія Боровскій, Александръ Невскій и Іона, митрополитъ московскій.

Какъ мы уже знаемъ, соборъ 1547 года однимъ святымъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное. Чѣмъ спрашивается, руководился онъ, устанавливая такое различіе въ празднованіи памяти канонизованныхъ имъ святыхъ? Присматриваясь къ списку святыхъ всеобщихъ и мѣстныхъ, съ перваго раза можно бы подумать, что въ основѣ такого различія соборъ положилъ тѣ или другія заслуги церкви и государству извѣстнаго святого и тогда, значить, это различіе обуславливалось бы степенью ихъ заслугъ. Но такое объясненіе этаго различія, едва-ли можно признать справедливымъ. Просматривая списокъ 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ между ними только два лица, которыя дѣйствительно подходятъ подъ это условіе,—это св. Александръ Невскій и митрополитъ московскій Іона; остальнымъ же святымъ, канонизованнымъ этимъ соборомъ, нельзя приписывать особенныхъ заслугъ церковныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ. Всѣ они принадлежатъ къ типу русскихъ отшельниковъ-колонизаторовъ, основателей монастырей и въ качествѣ послѣднихъ обыкновенно чтились только въ монастырѣ и окружающей его мѣстности. Въ этомъ отношеніи всѣ эти святыне ничѣмъ не отличаются отъ другихъ святыхъ, которымъ тотъ же соборъ установилъ мѣстное празднованіе. Не от-

личаясь въ послѣднемъ случаѣ, всѣ эти святые, однако, различаются въ другомъ отношеніи. Изъ девяти святыхъ, — поименованныхъ въ списокѣ мѣстныхъ, — только одному, епископу Тверскому Арсенію, былъ до собора написанъ канонъ съ житіемъ; житія же остальныхъ не были еще написаны, но собору, вѣроятно, сообщили, что мѣстное населеніе воздаеть и этимъ святымъ церковное чествованіе, хотя послѣднее и не было еще утверждено мѣстною епархіальною властію; по крайней мѣрѣ, кромѣ епископа Арсенія, это достовѣрно извѣстно о двухъ другихъ, обозначенныхъ въ списокѣ мѣстныхъ, о Прокопій и Іоаннѣ Устюжскихъ. Между тѣмъ какъ о всѣхъ святыхъ, поименованныхъ въ списокѣ 13, можно съ увѣренностію сказать, что большая часть ихъ уже задолго мѣстно чтилась церковнымъ образомъ съ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти, при чемъ это мѣстное чествованіе нѣкоторыхъ иногда принимало очень широкіе размѣры, по крайней мѣрѣ, это можно сказать о такихъ святыхъ, каковы были: св. Александръ Невскій, митр. Іона, пр. Никонъ Радонежскій, Зосима и Савватій Соловецкіе. Основываясь на этомъ различіи, есть основаніе думать, говоритъ В. О. Ключевскій, что для послѣднихъ соборъ 1547 года расширилъ чествованіе, сдѣлавъ его изъ мѣстнаго всецерковнымъ, а для первыхъ святыхъ, находящихся въ списокѣ 9, подтвердилъ только фактъ, существовавшій и дѣйствовавшій дотолѣ независимо отъ него ¹⁾ Такимъ образомъ, въ основѣ этого различія между святыми, изъ которыхъ однимъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное, лежитъ, собственно говоря, церковно-административный источникъ. При этомъ, при объясненіи мотивовъ, руководствуясь которыми, отцы собора установили однимъ изъ канонизованныхъ ими святыхъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное не нужно. по нашему мнѣнію, упускать изъ вида опять таки личныхъ отношеній самого митрополита и другихъ членовъ собора къ нѣкоторымъ изъ святыхъ. Такъ напримѣръ, самъ митрополитъ, благодаря своему пребыванію въ Новгородѣ, могъ познакомиться лично съ жизнью, подвигами и чудесами святыхъ Новгорода и возымѣть сильную вѣру

¹⁾ Ключев.. Житія, 226.

къ нимъ. Это подтверждается и тѣмъ, повидимому, незначительнымъ, но въ данномъ случаѣ имѣющимъ нѣкоторое значеніе обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ Новгородскихъ святыхъ, число которыхъ, какъ мы видѣли, доходить почти до половины всѣхъ, канонизованныхъ на этомъ соборѣ для всеобщаго чествованія, не попалъ въ списокъ девяти мѣстныхъ святыхъ.

Намъ остается, наконецъ, рассмотреть послѣдній вопросъ, который естественно возникаетъ, когда говорятъ о канонизаціи святыхъ на соборѣ 1547 года, — это о самомъ ходѣ или процессѣ совершенія ея. Но недостатокъ и отсутствіе подлинныхъ актовъ или дѣяній этого собора чувствуется здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ при рѣшеніи другихъ вопросовъ. Какой былъ ходъ дѣяній его, были ли какія нибудь разсужденія на немъ, были ли представляемы на него житія и списки чудесъ святыхъ, которыхъ этотъ соборъ думалъ канонизовать, читались ли тѣ и другія во время засѣданій самаго собора—всѣ эти вопросы за отсутствіемъ актовъ являются трудно разрѣшимыми. Не имѣя поэтому возможности дать положительные отвѣты на нихъ, мы постараемся сдѣлать нѣкоторыя соображенія болѣе или менѣе вѣроятныя относительно послѣднихъ двухъ. Само собой разумѣется, что полной картины засѣданій собора представить теперь нѣтъ возможности. Мы даже не знаемъ, сколько было самыхъ засѣданій соборныхъ.

Разсмотримъ сперва вопросъ — представлялись ли на соборъ житія святыхъ? Представимъ тѣ данныя, которыя могутъ говорить за и противъ этого вопроса и, затѣмъ, чрезъ сравненіе вѣроятности этихъ данныхъ сдѣлаемъ относительно его свое заключеніе. — Прежде всего мы нигдѣ не находимъ прямыхъ и ясныхъ указаній на то, чтобы на соборѣ 1547 г., подобно слѣдующему собору, были представлены житія и каноны, и чтобы тѣ и другія на немъ „свидѣтельствовались“. Единственное указаніе, которое еще можетъ говорить объ этомъ, мы находимъ въ одной изъ редакцій житія св. Александра Невского, писатель котораго, между прочимъ, говоритъ, что „благочестивый царь Іоаннъ Васильевичъ, поболѣвъ душею о ненаписанныхъ о св. Александрѣ ни отъ когоже, положилъ благъ совѣтъ съ преосв. митрополитомъ Макаріемъ, яко да подвижесе извѣстно

изыскати о святѣхъ и писанію предати, и митрополитъ Макарій цареву желаніе, наче же Божіе изволеніе, тщася исполнити, созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ, трудолюбно подвигся по священнымъ правиломъ изыскавъ извѣстно обрѣте¹⁾ и проч. Правда, въ приведенныхъ нами словахъ вовсе не говорится о томъ, чтобы на соборъ было представлено житіе св. Александра Невскаго. Но намъ кажется, что послѣднее необходимо нужно предполагать; ибо въ противномъ случаѣ не почему было бы производить самыя изысканія. Поэтому намъ кажется, что, на основаніи словъ писателя этого житія, дѣло нужно представлять такимъ образомъ: на соборъ митрополитомъ Макаріемъ были представлены житія и каноны тѣхъ святыхъ, которыхъ онъ думалъ канонизовать: собравшіеся архіереи на основаніи этихъ житій и производили свои изысканія о нихъ. Что дѣйствительно таковъ въ общихъ чертахъ долженъ быть ходъ канонизаціи святыхъ на этомъ соборѣ и, въ частности, что дѣйствительно были представлены на послѣдній житія и каноны, объ этомъ можно заключать еще изъ слѣдующаго обстоятельства. Мы уже видѣли, что житія большинства святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, существовали уже задолго до послѣдняго. Если бы на самомъ соборѣ не было изысканія, то можно бы думать навѣрное, что всѣ эти житія послѣ собора вошли бы въ кругъ церковнаго богослуженія для чтенія ихъ во дни празднованія памятей этихъ святыхъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Такъ, хотя житія святыхъ: Александра Невскаго, Никона, игумена Сергіевой Лавры, преп. Павла Обнорскаго, митрополита Іоны и Михаила Клонскаго уже издавна существовали въ агіобіографической литературѣ, но однако всѣ онѣ послѣ собора появились въ новыхъ редакціяхъ, составленныхъ по порученію Макарія, — что ясно говоритъ, что всѣ эти житія признаны несоответствующими своей цѣли, т. е., для ихъ церковнаго употребленія. Это же послѣднее обстоятельство можетъ прямо говорить и о томъ, что на соборъ были представлены житія святыхъ, что онѣ тамъ читались и разсматривались, въ противномъ случаѣ трудно будетъ

¹⁾ Ц. И. Макарія. т. 6, 216, примѣч. 288.

объяснить указанный уже нами фактъ, въ силу котораго однѣ житія признаны соотвѣтствующими для своей цѣли, а другія нѣтъ и должны быть передѣлываемы. Наконецъ, главнымъ образомъ въ пользу доказываемаго нами положенія можетъ говорить слѣдующее обстоятельство. До Макарьевскихъ соборовъ однимъ изъ необходимыхъ условій для совершенія канонизаціи святыхъ были житія и каноны ихъ. Эта необходимость ихъ, съ одной стороны, обуславливалась тѣмъ, что для канонизаціи того или другого святаго нужны біографическія данныя о немъ, которыя и заключаются въ житіяхъ; съ другой стороны, житія и каноны необходимы были для совершенія праздника, которымъ сопровождается канонизація святаго. Если же это правило встрѣчается въ практикѣ русской церкви до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, то, конечно, оно примѣнялось и на этихъ соборахъ тѣмъ болѣе, что необходимость примѣненія этого правила къ совершенію канонизаціи засвидѣтельствовали сами же отцы этого перваго собора; ибо, опредѣляя характеръ и направленіе подготовительныхъ работъ къ слѣдующему собору, они поставляютъ одною изъ главныхъ цѣлей ихъ отысканіе и собраніе житій, каноновъ и чудесъ. Изъ исторіи же слѣдующаго собора мы увидимъ, что эти житія, каноны и чудеса, собранные мѣстными архіереями, представлены были на этотъ соборъ и тамъ свидѣтельствовались. Если же, такимъ образомъ, отцы перваго собора признавали необходимость примѣненія этого условія на второмъ соборѣ, то, очевидно, потому, что сами его примѣняли. Приведенныя нами слова изъ житія св. Александра Невскаго и представленныя нами выше соображенія, какъ нельзя болѣе, подтверждаютъ это наше положеніе.

Установивъ тотъ фактъ, что житія святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, были представлены на него, намъ теперь остается доказать фактъ свидѣтельствованія ихъ и опредѣлить характеръ этого свидѣтельствованія. Что свидѣтельствованіе житій производилось на самомъ соборѣ, объ этомъ прямо и опредѣленно говоритъ извѣстный уже намъ писатель житія св. Александра Невскаго, что „митрополитъ Макарій созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ трудолюбно подвигая по священнымъ правиламъ изыскавъ

извѣстно обрѣте“ и проч. Но указывая и констатируя самый фактъ изысканій, писатель однако ничего не говоритъ намъ о томъ, въ чемъ послѣднія состояли. Изъ его словъ можно видѣть только результатъ этихъ изысканій. Ибо писатель, сказавъ, что митрополитъ Макарій „изыскавъ извѣстно обрѣте“, продолжаетъ далѣе: „повелѣ мнѣ убогому написать сіе“. Такимъ образомъ, результатомъ этого соборнаго изысканія явилось порученіе составить новое житіе этого святаго. А это послѣднее обстоятельство даетъ намъ нѣкоторую возможность опредѣлить и самый характеръ этихъ изысканій. Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя житія святыхъ, представленныя на соборъ, не были одобрены послѣднимъ и были передѣланы. Присматриваясь къ житіямъ, которыя были исправлены или передѣланы въ это время, легко замѣтить, что это—или краткія житія первоначальной неразвитой конструкціи, какъ напр., первоначальная редакція житія Михаила Клопскаго, или жизнеописанія, отличающіяся характеромъ простой біографіи историческаго лица, какъ напр., древнее житіе св. Александра Невскаго, или же, наконецъ, краткія, проложныя и сухія житія, каковымъ, напр., было житіе преп. Никона Радонежскаго, написанное Пахоміемъ Логоетомъ. Всѣ житія такого рода были, очевидно, признаны неудовлетворительными, потому что всѣ онѣ появились потомъ въ новыхъ редакціяхъ. Присматриваясь, затѣмъ, къ послѣднимъ, не трудно видѣть и тотъ критерій, которымъ руководились тогда у насъ при этихъ изысканіяхъ житій. Такимъ критеріемъ служилъ господствующій тогда въ нашей агіобіографической литературѣ взглядъ на житіе, какъ на ораторское произведеніе—похвальное слово, украшенное всѣми цвѣтами риторскаго краснорѣчія. при чемъ собственно біографіи святаго отводилось очень мало мѣста. Само собою разумѣется, что критерій этотъ касался только внѣшней стороны житія или его формы, не касаясь его содержанія. Отсюда и соборныя изысканія, въ основѣ которыхъ лежалъ этотъ критерій, естественно, не должны были итти далѣе поверхностнаго надзора за установленною формою житій. Послѣднее обстоятельство можетъ указывать частію и на размѣръ этихъ соборныхъ изысканій, который мы должны представлять себѣ въ ограниченномъ видѣ.

Только что выведенному нами заключенію о свидѣтельствovanіи житій святыхъ на соборѣ 1547 года, повидимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе, остались внѣ цензуры послѣдняго. Присматриваясь къ этимъ житіямъ, мы видимъ, что онѣ ни по своему содержанію, ни по своей формѣ не подходятъ подъ стиль житій, который у насъ установился ко времени митрополита Макарія. Всѣ эти житія отличаются бѣдностію фактическаго содержанія и притомъ составлены мало толково и малограмотно. Такъ напр., житіе св. Прокопія Устюжскаго представляетъ собою не болѣе, какъ сборъ, безъ разбора и провѣрки, разныхъ сказаній о св. юродивомъ XIII вѣка, письменныхъ и устныхъ, носившихся въ народѣ въ теченіе столь долгаго времени, сказаній отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ между собою, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ заимствованій изъ другихъ житій и повѣстей. Подобнымъ же образомъ составлены и житія пятерыхъ святыхъ Муромскихъ: житіе св. князя Константина и чадъ его: Михаила и Феодора и житіе св. князя Петра и супруги его Февроніи. Авторъ перваго житія изложилъ въ немъ преимущественно мѣстныя преданія о состояніи Мурома и утвержденіи въ немъ христіанства княземъ Константиномъ въ XII или XIII вѣкахъ, — преданія, конечно, имѣвшія фактическую основу, но въ подробностяхъ неизбѣжно повредившіяся въ продолженіе вѣковъ въ устахъ народа, и потому заключающія въ себѣ разныя историческія несообразности и противорѣчія ¹⁾). Еще неудачнѣе составлено житіе второе. Составитель его, какой-то „господинъ смиренный мнихъ Іеразмъ“ собралъ въ своей повѣсти съ удивительною простотою и довѣрчивостію, не столько извѣстія о христіанскихъ или княжескихъ дѣяніяхъ князя, сколько старинныя легенды, съ незапамятныхъ временъ созданныя фантазіей народа, по древнимъ его вѣрованіямъ и преданіямъ, и только мѣстно примѣненные къ благовѣрному князю и его супругѣ ²⁾). Очевидно, что эти всѣ житія, если бы онѣ были разсмотрѣны на самомъ со-

¹⁾ Оно напечатано въ Памят. Стар. Р. л. 1, 2 9, 234.

²⁾ См. это житіе тамъ же 1, 2! — 48: Хр. Чт. 1873 г., т. 63 — 36.

боръ, должны были быть исправлены подобно житіямъ св. Александра Невского, Никона Радонежскаго и др., какъ неудовлетворяющія принятому стилю житій. Но этого почему-то не случилось, и это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе думать, что на соборъ не всѣ житія канонизованныхъ святыхъ были свидѣльствованы, и именно не были свидѣльствованы житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе. Съ этимъ выводомъ нельзя и не согласиться, потому что, какъ мы выше говорили, житія большинства этихъ святыхъ не были еще написаны и явились уже послѣ собора. Но здѣсь является другой вопросъ. Мы видѣли, что житія и каноны составляли одно изъ необходимыхъ условій для канонизаціи святаго; чѣмъ, спрашивается, руководились отцы собора въ данномъ случаѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что отцы собора, получивъ свѣдѣнія о мѣстномъ почитаніи этихъ святыхъ, имѣли и біографическія свѣдѣнія о нихъ, заключающіяся или въ различныхъ запискахъ, которыя имѣлись обыкновенно въ монастыряхъ объ ихъ мѣстныхъ святыхъ, или въ первоначальныхъ неразвитыхъ редакціяхъ житій. Изъ этого источника отцы собора и почерпали свѣдѣнія какъ о жизни святаго, такъ и объ его чудесахъ. Но такъ какъ житіе необходимо было еще и для чтенія въ церкви на праздникъ святаго и такъ какъ существовавшія записки не могли удовлетворить этой цѣли, то отцы собора и поручили чрезъ предсѣдателя своего Макарія написать новыя редакціи житій этихъ святыхъ. Составленіе и пересмотръ житій всѣхъ этихъ мѣстныхъ святыхъ, по мнѣнію преосв. Макарія, и былъ предоставленъ самимъ мѣстнымъ церквямъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые ¹⁾.—Итакъ, въ виду всего сказаннаго о свидѣльствованіи житій на соборъ 1547 года, мы должны притти къ слѣдующему выводу. Хотя объ этомъ свидѣльствованіи житій и не сохранилось ясныхъ и опредѣленныхъ извѣстій, однако нужно думать въ силу указанныхъ основаній, что оно было, при чемъ это свидѣльствованіе имѣло мѣсто только по отношенію къ житіямъ святыхъ, канонизованныхъ для всеобщаго

¹⁾ Хр. Чт. 1873 г, 1, 636.

чествованія; цензура же и просмотръ житій мѣстныхъ святыхъ предоставлена была мѣстнымъ церквамъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые. Но сдѣлавъ возможныя соображенія объ этомъ предметѣ, мы не осмѣливаемся подробнѣе опредѣлять степень этого свидѣтельствванія и самую форму, въ какой послѣднее производилось, чувствуя недостатокъ вѣрныхъ данныхъ, которыя могли бы самымъ рѣшительнымъ образомъ дать перевѣсъ тому или другому изъ нашихъ предположеній.

В. Васильевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Соборы 1547—1549 годовъ *)).

(Очеркъ изъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ).

(Окончаніе ¹).

III.

Соборъ 1549 года.

Хотя соборъ 1547 года канонизовалъ и много святыхъ, но дѣло канонизаціи не могло окончиться имъ однимъ. Оставалось еще много святыхъ, которымъ, какъ говоритъ писатель житія митрополита Іоны, „праздновати повсюду не узаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныя раки со св. мощьми бяху, ту и славимы быша“ ²). Соборъ 1547 года не могъ установить такого празднованія уже потому одному, что не имѣлъ данныхъ для этого. Для канонизаціи, какъ мы видѣли, необходимо требовались житія, каноны и чудеса святыхъ. Для перваго собора все это было подготовлено Макаріемъ, при собраніи имъ житій святыхъ для своихъ Четы-Миней. Въ другомъ положеніи было дѣло, когда заходила рѣчь о канонизаціи другихъ святыхъ. Ибо хотя житія и каноны многихъ изъ нихъ уже существовали, но, находясь въ мѣстахъ почитанія святыхъ, онѣ не могли быть извѣстными высшей центральной власти русской церкви, задавшейся теперь цѣлью утвердить своимъ авторитетомъ это почитаніе. На этотъ именно недостатокъ данныхъ, необходимыхъ для совершенія канонизаціи, указывается и въ словахъ Грознаго, которыя вкладываетъ въ уста его писа-

¹) См. предыд. кн. «Христ. Чит.» за 1883 г.

²) Ключевъ Житія пр. IV. 161.

тель того же житія св. Іоны. Изъ этихъ словъ видно, что о всѣхъ святыхъ, которые канонизованы слѣдующимъ соборомъ, не было еще до сихъ поръ собрано необходимыхъ данныхъ и только теперь явилась мысль „богатство разыскати и собрати, иже отъ много времени и донынѣ сокровено и забвенію предано, великіа свѣтильники, новѣйшіа чудотворцы, овѣхъ своимъ царскимъ очима видѣвъ, а овѣхъ же отъ многихъ извѣстныхъ самовидецъ слышавъ“ ¹⁾). И вотъ для достиженія этой цѣли, по мысли отцовъ собора и прежде всего, конечно, по мысли и инициативѣ самого митрополита Макарія, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный обратился въ концѣ перваго собора съ просьбою ко всѣмъ святителямъ русской земли, чтобы каждый изъ нихъ въ порученныхъ имъ предѣлахъ, въ монастыряхъ, въ пустыняхъ изслѣдовали и разыскивали о великихъ новыхъ чудотворцахъ посредствомъ священныхъ соборовъ, игуменовъ, священниковъ и иноковъ, князей, бояръ и богобоязненныхъ людей, гдѣ какіе чудотворцы прославились знаменіями и чудесами, давно ли и въ какое именно время ²⁾). И святители, какъ говорится въ житіи митрополита Іоны, сохранившемъ для насъ драгоценныя свѣдѣнія объ этихъ соборахъ, „слышаще таковое благое начинаніе и телѣйшую вѣру Богомъ въичаннаго царя, радостію духовною и желаніемъ сердечнымъ безъ закоснѣнія собирають люботруднымъ подвигомъ и подобопечальнымъ собраніемъ каноны и житія и чудеса, отъ многихъ временъ чудодѣйствуемы тѣхъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей всѣхъ предиреченныхъ чиновъ, и которойждо святитель отъ своихъ предѣлъ яко многоцѣнный даръ Богу и яко всеплодну жертву и яко приношеніе пріятно принесоша въ богоспасаемый градъ Москву на боголюбивый соборъ къ благочестивому царю и великому князю Ивану и преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи“ ³⁾). Этотъ соборъ состоялся въ 19-е лѣто возраста Іоанна Васильевича Грознаго ⁴⁾, слѣдовательно, въ 1549 году (родился онъ въ 1530 г.).

¹⁾ Ключев. 461.

²⁾ Стоглавъ, 43—44.

³⁾ Ключев. прил. IV, 461—2.

⁴⁾ Стоглавъ, 15.

Явившись на этотъ соборъ съ большими церковно историческимъ запасомъ, содержащимъ въ себѣ каноны новыхъ чудотворцевъ, житія ихъ и чудеса, отцы собора свидѣтельствовали ихъ и предали Воинимъ церквамъ для празднованія по нимъ новымъ чудотворцамъ¹⁾). Этижъ, собственно говоря, и огривичиваются наши историческія свѣдѣнія о соборѣ 1549 года. Сколько было засѣданій, долго ли онъ продолжался, какъ велось дѣло канонизаціи, какъ и въ чемъ состояло это свидѣтельствованіе каноновъ, житій и чудесъ, — обо всемъ этомъ точныхъ свѣдѣній не сохранилось. Можно, впрочемъ, только довольно точно указать присутствовавшихъ на соборѣ владыкъ. Конечно, председателемъ этого, какъ и перваго собора, былъ самъ митрополитъ Макарій. Остальные члены собора, какъ можно заключать по ходу рѣчи царя, которую онъ говорилъ на Стоглавомъ соборѣ, были тѣ же самыя, что и на первомъ. Это же самое подтверждается и извѣстіемъ, которое мы находимъ въ житіи преп. Ферапонта и Мартиніана бѣлоозерскихъ чудотворцевъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что, когда игумень Ферапонтава монастыря привезъ житія этихъ преподобныхъ и вручилъ ихъ митрополиту Макарію, то „сей быше разсмотрѣвъ, повелѣ паки собору быти“, и перечисляетъ далѣе тѣхъ же самыхъ епископовъ, какіе присутствовали и на первомъ соборѣ, именно: „Алексій архіепископъ ростовскій, да Іона, епископъ суздальскій, да Іона

¹⁾ Стоглавъ 45. Въ Стоглавѣ, которымъ мы преимущественно руководимся при обзорѣ дѣятельности этого собора, встрѣчается намъ неясность, которая требуетъ поясненія. Дѣло въ томъ, что, какъ мы выше видѣли, Грозный съ своею рѣчью объ «обыскѣ новыхъ чудотворцевъ» обратился къ святителямъ всего нашего русскаго царствія и слѣдовательно, можно думать, что таковой обыскъ производили всѣ мѣстные архіереи въ своихъ епархіяхъ. А между тѣмъ на самый соборъ какъ увидимъ ниже, явились они далеко не всѣ. Какимъ образомъ архіереи, непопавшіе на соборъ, переслали на него результаты своихъ изысканій, — объ этомъ въ Стоглавѣ ничего не говорится. Можно думать, что въ большинствѣ случаевъ архіереи, не бывшіе лично на соборѣ, поступали точно такимъ же образомъ, какъ поступилъ игумень Ферапонтава монастыря. Послѣдній, какъ рассказывается въ житіи преподобныхъ Ферапонта и Мартиніана Бѣлоозерскихъ, собравши, вѣроятно, по повелѣнію своего мѣстнаго архіерея, всѣ біографическія данныя объ этихъ преподобныхъ, отправился въ Москву и вручилъ все это въ руки самого Макарія (Рук. Тр. С. л. № 696 л. 46—47).

же, епископъ рязанскій ¹, да Акакій, епископъ тверской. да Θεο-
досій. епископъ коломенскій, да Сава. епископъ сарскій, да Би-
прианъ, епископъ персскій“ ²).

Количество святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. очевидно.
должно было опредѣляться количествомъ собраннаго біографическаго
матеріала, на основаніи котораго производилась и самая канониза-
ція ихъ. Часть этого матеріала, провѣренная и свидѣтельствован-
ная соборомъ, вошла въ составъ макарьевскихъ Четы-Миней. Мы
разумѣемъ житія святыхъ: архіепископовъ новгородскихъ Евѳимія
и Іоны, епископа перскаго Стефана, тверскаго князя Михаила,
преподобныхъ: Авраамія смоленскаго, Савы вишерскаго, Григорія
пельшемскаго, трехъ мучениковъ литовскихъ и св. мученика
Іоанна сочавскаго ³). Житія же остальныхъ святыхъ появлялись
уже послѣ этого собора, иногда чрезъ годъ и даже болѣе, какъ,
напр., житія: преп. Евѳимія суздальскаго, Евфрема перекомскаго
и др. Но главнымъ источникомъ, благодаря которому предста-
вляется возможность узнать имена и опредѣлить число святыхъ,
канонизованныхъ соборомъ 1549 года, служитъ житіе митрополита
Іоны, въ которомъ мы находимъ общій перечень святыхъ, канони-
зованныхъ обоими соборами, безъ указанія на то, на какомъ изъ
нихъ какой святой былъ канонизованъ. Но такъ какъ имена и ко-
личество святыхъ, которые были причислены къ лику святыхъ на
первомъ соборѣ, извѣстны намъ изъ официальныхъ документовъ,
то опредѣлить число святыхъ, канонизованныхъ вторымъ соборомъ,
является уже дѣломъ нетруднымъ. Руководствуясь этимъ источни-
комъ, къ числу святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года,
можно отнести слѣдующихъ:

- 1) Новгородскихъ архіепископовъ: Іону и Евѳимія.
Св. Стефана, епископа перскаго.
Св. Іакова, епископа ростовскаго.

¹) Епископомъ рязанскимъ въ это время долженъ быть уже не
Іоша, а Михаилъ который былъ поставленъ на мѣсто перваго Мака-
ріемъ 22 апрѣля 1548 года (см. Ник. Лѣт. 7. 62—63).

²) Рук. Тр.-С. л. № 696. л. 47—48.

³) Макарій, Ц. И. т. 7, 445.

- 5) Благов. князя Всеволода псковскаго.
Михаила, князя тверскаго.

Преп. Евонія суздальскаго.

Преп. Авраамія смоленскаго.

Преп. Савву вишерскаго.

- 10) Преп. Евфросина псковскаго.

Преп. Евфрема перекомскаго.

Преп. Григорія пельшемскаго.

Св. Іоанна,

Антонія,

{ мучениковъ литовскихъ.

- 15) Евстафія,

Іоанна, мученика болгарскаго.

- 17) Арсенія, архіеп. сербскаго.

Но этотъ переченьъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 г., и находящійся въ житіи Іоны, митрополита московскаго, мы должны признать неполнымъ, что могло зависѣть или отъ небрежности переписчиковъ, пропустившихъ имена нѣкоторыхъ святыхъ, или даже и отъ незнанія. Ибо, кромѣ этихъ, перечисленныхъ нами святыхъ, есть достаточно вѣскія основанія занести въ него имена еще нѣкоторыхъ святыхъ. Такія именно основанія мы имѣемъ для внесенія въ этотъ списокъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 г., именъ Ферапонта и Мартиніана бѣлозерскихъ чудотворцевъ. Въ житіи этихъ преподобныхъ мы находимъ свѣдѣнія и объ ихъ канонизаціи, свѣдѣнія, которыя ясно пріурочиваютъ послѣднюю ко времени собора 1549 года ¹⁾. Писатель этого житія, между прочимъ, пишетъ: „да не соблазняются нѣщцы и о семъ глаголюще: почто великій святитель Макарій, митрополить Русскія земля, не положи въ грамотахъ, иже посла по градомъ и великимъ монастыремъ, въ лѣто 7055 (1547 г.) въ преименованіи царя и ве-

¹⁾ Кромѣ житія, указаніе на канонизацію Мартиніана при митр. Макаріѣ мы находимъ еще въ Святцахъ Тр.-С. л. № 249, въ которыхъ подъ 15 мая замѣчено: «по уложенію митр. Макарія и прочихъ святителей російскихъ, поють съ величаніемъ Еуфросину и Авраамію Смоленскому и Мартиніану Бѣлозерскому» (Мѣсяц. св. Тр.-С. л. изд. 2, 1854 г., 59)

ликаго князя Івана Васильевича і всея Русіи. Иже избра и разсуди святаго же бѣше собора пѣти и праздновати повелѣ святыхъ отецъ по всѣмъ церквамъ великія Русіи, а сихъ остави“¹⁾). Объясняя далѣе причину, по которой имена этихъ святыхъ не были внесены въ списокъ святыхъ собора 1547 года, онъ пишетъ, что „небреженіемъ сіа сотвори святый митрополить, ниже просто, якоже прилучися вещь сіа“²⁾). Изъ дальнѣйшаго хода его разсказа, впрочемъ, можно видѣть, что этою причиною было то обстоятельство, что къ первому собору не было еще приготовлено житіе этихъ преподобныхъ. Ибо какъ только кончился этотъ первый соборъ и какъ только, вѣроятно, дошла до этого монастыря вѣсть о царскомъ повелѣніи произвести „обыскъ о новыхъ чудотворцахъ“, то игумень послѣдняго позаботился о составленіи житія своихъ чудотворцевъ. Написанное житіе „послѣ собора того много дней минувшии“ было отвезено игуменомъ въ Москву и вручено митрополиту. „Великій же (митрополить), продолжаетъ писатель этого житія, повелѣ паки собору быти, и собравшимся къ нему всѣмъ святителемъ перваго того собора,—Алексѣю, еп. рязанскому, и проч. и взять книги тѣя, и повелѣ предъ собою прочести житія святыхъ и чудеса. И разсудивъ тѣмъ соборомъ, яко не праведно есть оставити святыхъ: благослови и повелѣ игумену тоя обители пѣти и праздновати святыхъ отецъ и со предреченными святыми, преп. Ферापонта и Мартиніана, и житія ихъ чести на соборѣ“³⁾ и проч. Этотъ разсказъ даетъ полное право предположить, что оба житія вызваны обысками о мѣстныхъ чудотворцахъ, произведенными по распоряженію собора 1547 года. Согласно съ этимъ біографъ не разъ намекаетъ, что пишетъ онъ по распоряженію высшей власти, а не по собственному произволению⁴⁾). На-

¹⁾ Рук. Тр.-С. л. № 696, л. 46.

²⁾ Ibid.

³⁾ Рук. Тр.-С. л. № 696, л. 47—48.

⁴⁾ Ключ. Житія, 273.—Впрочемъ, разсказъ этотъ имѣетъ видъ вставки и его нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ Житія. Но это послѣднее обстоятельство едва ли можетъ служить основаніемъ къ какому нибудь сомнѣнію относительно достовѣрности самаго факта. Гораздо важнѣе другое возраженіе, которое могутъ сдѣлать противъ приурочи-

конецъ, относятъ еще къ этому собору канонизацію Петра, царевича ордынскаго, и Нифонта, епископа новгородскаго. Канонизацію перваго относятъ къ этому собору потому, что въ заглавіи службы ему замѣчено, что она написана въ 7057, т. е., въ 1549 году. Поэтому, говоритъ В. О. Ключевскій, можно думать, что послѣдняя явилась, вслѣдствіе начавшагося тогда обыска о новыхъ чудотворцахъ, и представлена была на самый соборъ для свидѣтельства¹⁾ Канонизацію же втораго относятъ къ собору 1549 г. потому, что въ житіи его говорится между прочимъ: „помоли же ся Христу Богу, священнѣйшій отче Нифонте, за причествѣйшаго архіерея Макарія, иже престоль держащаго пречистѣй Богородици

ванія канонизаціи этихъ Бѣлоозерскихъ угодниковъ къ собору 1549 года. Дѣло въ томъ, что въ житіи нѣтъ точной даты времени собора, на которомъ послѣдніе были канонизованы. Поэтому вполне возможно относить ихъ канонизацію къ какому нубудь другому собору бывшему во время митрополитства Макарія, что и дѣлаетъ преосв. Макарій (Ц. И. 8, 46). А такіе соборы, дѣйствительно, были въ началѣ 50-хъ годовъ XVI столѣтія. Такъ, напр., въ 1554 году былъ собранъ соборъ для канонизаціи препод. Саввы Крыпецкаго въ 1560 году—для канонизаціи преподобныхъ Григорія и Кассіана Авнежскихъ. Но намъ кажется, что это возраженіе, дѣлаемое противъ приурочиванія времени канонизаціи Ферапонта и Мартиніана, Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ, къ собору 1549 года, легко можно устранить. Стоитъ только для этого обратитъ вниманіе на перечень епископовъ, которыхъ призвалъ митрополитъ на этотъ соборъ. Просматривая этотъ перечень, мы видимъ въ немъ имена тѣхъ же владыкъ, какіе были и на первомъ соборѣ. Между тѣмъ, если бы канонизація этихъ святыхъ совершилась на какомъ нубудь позднѣйшемъ соборѣ, то писатель этого житія не могъ бы уже представить этотъ перечень въ томъ видѣ, въ какомъ мы его сейчасъ читаемъ, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ епископовъ положительно извѣстно, что они уже вскорѣ послѣ втораго собора скончались. Такъ, напр., это извѣстно относительно Іоны, еп. Суздальскаго, на мѣсто котораго уже 10-го марта 1549 г. поставленъ былъ архимандритъ Симоновскій Трифонъ, Алексія, еп. Ростовскаго, на мѣсто котораго былъ поставленъ игуменъ Троицкій Никандръ въ томъ же году (Ист. Г. Р. Карамзина, по изд. Смирдина, т. 8., пр. 211; ср. Н. Л. 7, 64; стогл. 19). Такимъ образомъ, этотъ перечень епископовъ, присутствовавшихъ при канонизаціи Мартиніана и Ферапонта, тождественный съ перечнемъ епископовъ перваго собора, даетъ намъ право относить канонизацію этихъ святыхъ къ собору 1549 г., на которомъ, какъ можно судить по ходу рѣчи Грознаго на Стоглавѣ, присутствовали тѣ же самые епископы, какіе были и на первомъ.

¹⁾ Ключев. Житія, 40, примѣч. 1.

честнаго ея усненія во всей великія Россія и исправляющаго слово Божіе истинныя вѣры православныя, иже уставльша праздновати соборнѣ память твоего честнаго и святаго преставленія и предавше святымъ Божіимъ церквамъ“¹⁾). Кроме этого, имя св. Нифонта мы находимъ и въ общемъ перечнѣ святыхъ, канонизованныхъ обоими соборами, въ житіи Іоны, только, впрочемъ, не въ текстѣ, а на полѣ. Но основанія, приводимыя въ пользу приурочиванія канонизаціи этихъ святыхъ къ собору 1549 года такъ неопредѣленны и общи, что рѣшительно не даютъ никакого права на это. Что касается, частности, Петра, царевича ордынскаго, то предположеніе объ его канонизаціи на этомъ соборѣ такъ и останется предположеніемъ, которое трудно доказать; а на основаніи одного предположенія, мы и не имѣемъ права внести его въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. Повидимому, болѣе такихъ основаній мы имѣемъ для внесенія въ этотъ списокъ св. Нифонта, епископа новгородскаго. Ибо изъ житія его мы узнаемъ, что празднованіе ему установлено при митрополитѣ Макаріѣ, а на основаніи житія Іоны и перечня святыхъ, въ немъ находящагося, можно думать, что послѣднее установлено на которомъ нибудь изъ двухъ соборовъ; ибо въ этомъ перечнѣ, какъ мы видѣли, находится и имя св. Нифонта, рядомъ съ именемъ другого епископа новгородскаго, Никиты. Но и эти данныя совершенно недостаточны и, на основаніи ихъ однихъ, нельзя, по нашему мнѣнію, приурочивать канонизацію св. Нифонта къ собору 1549 года, какъ это дѣлаютъ преосв. Макарій и Сергій (Ц. И. 8, 44; Агиология 1, пр. 15, 193). Ибо мы выше, когда говорили о св. Никитѣ, епископѣ новгородскомъ, видѣли, что присутствіе именъ этихъ святыхъ въ житіи Іоны, гдѣ они вписаны на полѣ, а не въ текстѣ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ, такъ какъ можно думать, что имена ихъ приписаны уже послѣ. Что же касается до житія св. Нифонта, гдѣ говорится объ установленіи послѣднему празднованія митрополитомъ Макаріемъ, то это мѣсто такъ обще, что едвали, на основаніи его, можно относить канонизацію этого святаго къ со-

¹⁾ См. это житіе въ Памят. старин. р. литер. 4, 1—9.

«Христ. Чтен.», № 3—4, 1889 г.

бору 1549 года; ибо это празднованіе могло быть установлено митрополитомъ когда нибудь и послѣ этихъ соборовъ. И дѣйстви-тельно, есть основаніе относить канонизацію св. Нифонта къ 1558 г. Такимъ основаніемъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить время со-ставленія житія этому святому. Последнее явилось въ 1558 г.) и было составлено священноинокомъ Варлаамомъ, по порученію ми-трополита Макарія ²). Сопоставляя, съ одной стороны, извѣстіе жи-тія св. Нифонта объ установленіи ему празднованія Макаріемъ со временемъ появленія этого житія, съ другой стороны, принявъ во вниманіе тѣсную связь житій съ праздникомъ вообще, въ силу ко-торой первое являлось слѣдствіемъ послѣдняго, можно думать съ очень большою вѣроятностію, что празднованіе св. Нифонту уста-новлено Макаріемъ въ 1558 году, когда явилось и житіе ему и, слѣдовательно, тогда же совершилась и канонизація его.

Этимъ, за недостаткомъ свѣдѣній, мы и ограничимъ свое изло-женіе внѣшней исторіи этого собора, и далѣе перейдемъ къ раз-смотрѣнію внутренней стороны дѣятельности его, къ тому, какъ ве-лось на немъ самое дѣло канонизаціи святыхъ. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми вопросами, какіе намъ прихо-дилось рѣшать при изложеніи перваго, съ тою, впрочемъ, только разницею, что относительно нѣкоторыхъ вопросовъ мы имѣемъ здѣсь сравнительно болѣе свѣдѣній, чѣмъ прежде; отсюда, слѣдовательно, имѣемъ возможность и рассмотреть ихъ шире и подробнѣе.

Внутреннюю сторону дѣятельности этого собора составляютъ: подготовительныя работы или „обныскъ о новыхъ чудотворцахъ“, и самыя соборныя дѣянія, которыя одинъ изъ памятниковъ характе-ризуетъ словомъ „свидѣтельствованіе“ ³). Рассмотримъ каждую изъ этихъ сторонъ дѣятельности собора 1549 года.

Первая сторона дѣятельности этого собора или обыскъ о но-выхъ чудотворцахъ составляетъ подготовительныя работы, имѣвшія своею непосредственною цѣлію собрать тѣ необходимыя агіобіогра-фическія о каждомъ святомъ данныя (житія, каноны и чудеса),

¹) Филаретъ, Обз. дух. литер., 209.

²) Ключев. Житія, 252.

³) Стоглавъ, 45.

которыя составляли непремѣнное условіе канонизаціи. Эти работы начались непосредственно послѣ собора 1547 года и велись въ продолженіе цѣлаго слѣдующаго 1548 года, вплоть до самаго собора. Какъ цѣль, такъ и побужденіе, которыя легли въ основаніе ихъ, довольно ясно высказываются въ рѣчи царя Ивана Васильевича Грознаго. Сказавши, что „великое и неистощимое богатство отъ многихъ временъ при прародителяхъ нашихъ сокровено и забвенію предано“—великіе свѣтильники новые чудотворцы, прославленные многими знаменіями и чудесами, которыхъ мы на помощь призываемъ, царь далѣе говоритъ: „мы же о семъ молимъ святители всего нашего російскаго царствія въ митрополіи, въ архіепискупьяхъ и епискупьяхъ, койждо во всякихъ предѣлахъ порученныхъ имъ во градѣхъ и въ монастыряхъ и въ пустыняхъ и во всѣхъ (всѣхъ) извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцевъ священными соборы и игумены и священники и иноки и пустынники и князми и бояры и богобознивыми людьми, гдѣ которые чудотворцы прославились великими чудесы и знаменіи отъ коликихъ временъ и въ каковы лѣта“¹⁾. Этотъ голосъ, раздавшійся съ высоты трона, съ благословенія митрополита, верховнаго главы русской церкви, нашелъ живой и радостный откликъ въ душахъ всѣхъ мѣстныхъ архіереевъ. „Святителие же убо, продолжаетъ царь въ своей рѣчи, отъ радости духовныя, отъ вождельнія сердечнаго и отъ начинанія и повелѣнія нашего моленія зскорѣ собирають каноны и житія и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ, которыйждо святитель отъ своихъ предѣлъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и отъ княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ, гдѣ который святой прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чюдесы“²⁾. Въ послѣднихъ словахъ рѣчи Грознаго мы находимъ указанія и на то, какъ производился и въ чемъ состоялъ этотъ обыскъ о мѣстныхъ чудотворцахъ, указанія на самыя существенныя вопросы, касающіеся внутренней стороны дѣятельности этого собора. Правда, эти свѣдѣнія очень немногочисленны:

¹⁾ Стоглавъ, 43—44.

²⁾ Стоглавъ, 44—45.

онѣ всего заключаются въ нѣсколькихъ строкахъ; но, не смотря на это, онѣ для насъ имѣютъ весьма важное значеніе; ибо, благодаря имъ, можно воспроизвести существенныя черты этого обыска.

Мы уже знаемъ изъ рѣчи Грознаго цѣль и побужденія этого обыска. Намъ теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: въ чемъ состоялъ послѣдній и какъ онъ производился? Краткіе отвѣты на эти вопросы даетъ намъ та же рѣчь Грознаго. Изъ нея мы узнаемъ, что эти епархіальные обыски состояли въ томъ, что святители въ порученныхъ имъ епархіяхъ „собирали каноны и житія и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ, которыйждо святитель отъ своихъ предѣль“. Другими словами, сущность этихъ обысковъ можно формулировать въ отысканіи житій, каноновъ и чудесъ святыхъ, которыя всѣ необходимы были для ихъ канонизаціи. Относительно втораго вопроса—какъ производились эти обыски, мы находимъ въ той же рѣчи царя, что мѣстные епископы собирали въ этомъ случаѣ каноны, житія и чудеса „по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и отъ княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ, гдѣ которой святой прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чудесы“. Черты, которыми въ царской рѣчи характеризуются эти обыски, какъ видимъ, выражаются очень общими словами, чтобы по нимъ можно представить полную и оживленную картину этихъ епархіальныхъ обысковъ и выяснитъ ихъ значеніе для канонизаціи. Но, на основаніи нѣкоторыхъ чертъ этихъ, которыя даетъ намъ рѣчь Грознаго, все-таки можно сдѣлать заключеніе объ этомъ ихъ значеніи. Только, по крайнему нашему мнѣнію, послѣднее будетъ совершенно не то, какое вывелъ о значеніи этихъ обысковъ В. О. Ключевскій. Онъ, между прочимъ, говоритъ: „было бы слишкомъ смѣло подозрѣвать въ этихъ епархіальныхъ обыскахъ и соборномъ свидѣтельствovanіи признаки церковно-исторической критики, возбужденной починомъ царя и высшей іерархіи: ни то, ни другое не шло дальше собиранія и внѣшняго смотра написаннаго, не вносил потребности въ болѣе широкомъ изученіи, въ сводѣ или повѣркѣ агіографическихъ источниковъ ¹⁾“.

¹⁾ Ключев. Житія, 223.

Что касается свидѣтельствванія собраннаго матеріала на самоѣ соборѣ, то эти приведенныя слова, какъ увидимъ ниже, мы должны признать совершенно справедливыми. Но, по нашему мнѣнію, совершенно нельзя относить ихъ къ епархіальнымъ обыскамъ. Правда, что критическіе научные приемы, которые практикуются современными учеными въ этой сферѣ, тогда, конечно, не примѣнялись, такъ какъ и не были еще извѣстны тогдашнимъ дѣятелямъ; но въ этомъ случаѣ примѣнялось нѣчто другое, что хотя отчасти могло замѣнить отсутствіе церковно-исторической критики, и что, кажется, В. О. Ключевскій совершенно упустилъ изъ вида. Вѣдь не даромъ же, въ самоѣ дѣлѣ, этимъ подготовительнымъ работамъ къ этому собору присвоенъ званіе „обыска“, а не просто собранія житій, каноновъ и проч., что было бы гораздо естественнѣе, если бы на этотъ предметъ смотрѣть съ точки зрѣнія этого ученаго. Самое слово обыскъ показываетъ, что мѣстные архіереи должны были изыскивать и изслѣдовать въ монастыряхъ и пустыняхъ неизвѣстный имъ до сихъ поръ агіографическій матеріалъ, или, какъ сказано въ Стоглавѣ,—„извѣстно пытать и обыскивати“, а не просто собирать его, что, конечно, было бы для нихъ весьма легко исполнить. Что, дѣйствительно, подѣ этими обысками нельзя разумѣть простого собранія житій, каноновъ и чудесъ, на это указываетъ и самый способъ, какимъ производились они и самая цѣль ихъ. Прежде всего, на основаніи уже указанія Стоглава, можно сдѣлать заключеніе, что обыскъ производился въ очень широкихъ размѣрахъ. Къ участію въ немъ призваны всѣ мѣстные жители, которые могли сообщить тѣ или другія свѣдѣнія о святомъ. Въ своей рѣчи къ архіереямъ перваго собора Грозный прямо говоритъ, чтобы они въ своихъ епархіяхъ собрали свѣдѣнія о святыхъ, подтвержденныя „священными соборы и игумены и священноиноки и иноки и пустынники и князьми и бояры и богобоязливыми люди“. Трудно допустить, чтобы всѣ эти лица привлечены были къ этому дѣлу только для того, чтобы указать мѣстнымъ владыкамъ на самый фактъ существованія житія или канона. Конечно, и послѣдняя цѣль имѣлась къ виду при этомъ; но нельзя, по нашему мнѣнію, это призваніе столькихъ лицъ къ участію въ епархіальныхъ обыскахъ

ограничивать только ею одною. Очевидно, дѣло нужно понимать нѣсколько шире. Призваніе всѣхъ этихъ лицъ имѣло въ виду не столько собраніе житій, сколько провѣрку ихъ. Мы уже знаемъ, что для канонизаціи того или другого святого біографическія данныя о немъ составляли непремѣнное условіе совершенія послѣдней. Эти біографическія данныя обыкновенно составляютъ часть житій, хотя, впрочемъ, и не всегда, такъ какъ есть не мало житій, въ которыхъ жизнь святого рисуется въ самыхъ общихъ чертахъ. Этотъ недостатокъ біографическаго матеріала въ житіяхъ, необходимаго для канонизаціи, съ одной стороны, и заставлялъ, для пополненія послѣдняго, обращаться къ устному преданію разнаго рода „памятуховъ“ изъ среды всякаго чина и званія людей, живущихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ святой жилъ и подвизался. Съ другой стороны, фактъ существованія біографическихъ данныхъ въ житіяхъ, все-таки не устранялъ необходимости провѣрки ихъ. А такъ какъ тогда не были знакомы съ новѣйшими критическими приѣмами, какіе въ настоящее время употребляются для повѣрки житій, то и прибѣгали къ самому простѣйшему способу, именно, къ провѣркѣ житійныхъ свѣдѣній о святомъ на мѣстѣ его жизни и подвиговъ отъ тѣхъ же памятуховъ — обывателей. Что, дѣйствительно, такъ велось дѣло при этихъ епархіальныхъ обыскахъ, указаніе на это мы имѣемъ въ самой рѣчи Грознаго. Изъ нея мы узнаемъ, что требовалось отъ этихъ обысковъ. Отъ нихъ требовалось доставленіе свѣдѣній, подтвержденныхъ „священными соборы и священноиноки и иноки и пустынники и князми и бояры и богобоязливymi люди“, о томъ, „гдѣ которые чудотворцы прославились великими чудеса и знаменіи отъ коликихъ временъ и въ каковы лѣта“. Такимъ образомъ, изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ основѣ этихъ обысковъ лежало не одно собраніе житій, а вообще агіобіографическихъ данныхъ о святыхъ, касались ли они житій, канонѣ или чудеса ихъ. Затѣмъ видимъ, что эти обыски не ограничивались только однимъ собраніемъ агіобіографическихъ данныхъ, но что все собранное провѣрялось, или, по тогдашнему выраженію, свидѣтельствовалося“. Каждый изъ святителей, говорится далѣе въ рѣчи царя, собиралъ „житія, каноны и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ

по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и отъ княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ ¹⁾). И это свидѣтельствованіе опять таки касалось того, „гдѣ которой святой прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чудесы“, т. е., того же агиографическаго матеріала, необходимаго для совершенія канонизаціи.

Изъ всего сказаннаго нами о характерѣ епархіальныхъ обысковъ, составлявшихъ подготовительныя работы къ собору 1549 г., можно видѣть, что слова В. О. Ключевского, которыми онъ характеризуетъ ихъ, нельзя признать вѣрными. Самый фактъ свидѣтельствованія, о которомъ ясно говорится какъ въ рѣчи Грознаго, находящейся въ Стоглавѣ, такъ и въ предисловіи къ житію Іоны, опровергаетъ его и показываетъ, что эти епархіальные обыски шли далѣе простого собиранія житій и внѣшняго осмотра ихъ. Чтобы еще болѣе подтвердить свое мнѣніе о характерѣ этихъ обысковъ, мы постараемся, на сколько можно, подробнѣе выяснить и раскрыть, въ чемъ именно состояло это свидѣтельствованіе собраннаго агиографическаго матеріала, „отъ тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и княжеска роду“ и какъ производился самый фактъ этого свидѣтельствованія. Черезъ это односторонность мнѣнія г. Ключевского представится еще яснѣе предъ нами.

Самые акты этихъ епархіальныхъ обысковъ, къ сожалѣнію, не сохранились. А въ обоихъ источникахъ, въ которыхъ находятся извѣстія какъ объ обыскахъ, такъ и о свидѣтельствovanіи, послѣднія характеризуются настолько общими чертами, что трудно, на основаніи только ихъ однихъ, представить полную и живую картину этихъ обысковъ, и тѣмъ, значить, труднѣе отвѣтить на вопросы, поставленные нами выше. Въ этомъ случаѣ, для достиженія нашей цѣли, намъ приходится обратиться къ практикѣ нашей церкви предыдущаго относительно этого предмета времени и, на основаніи фактовъ, которые мы тамъ встрѣтимъ, и этихъ чертъ, которыми характеризуются эти обыски въ извѣстныхъ намъ источникахъ,

¹⁾ Стогл. 44—45; см. Ключ. прил. IV, 461.

сдѣлать заключеніе, которое и будетъ служить отвѣтомъ на поставленные вопросы

Изъ первой половины XVI вѣка до насъ сохранилось нѣсколько обыскныхъ актовъ, по которымъ можно въ общихъ чертахъ судить и объ „обыскахъ о новыхъ чудотворцехъ“, предшествовавшихъ собору 1549 года. По этимъ сохранившимся до нашего времени обыскнымъ актамъ порядокъ и производство этихъ обысковъ, въ общихъ чертахъ, можно представить слѣдующимъ образомъ. О чудесахъ, совершающихся отъ раки того или другого святого, доносится прежде всего мѣстному владыкѣ. Послѣдній входитъ съ отношеніемъ по этому дѣлу къ государю и митрополиту. По повелѣнію государя и благословенію митрополита, мѣстнымъ епископомъ отправляется на мѣсто чудесъ комиссія, состоящая обыкновенно изъ близкихъ къ нему духовныхъ лицъ, которой и поставляется въ обязанность: во первыхъ, собрать всѣ свѣдѣнія о житіи и чудесахъ того или другого святого, во вторыхъ, провѣрить послѣднія отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, въ третьихъ, освидѣтельствовать мощи, если они открыты, и въ четвертыхъ, наконецъ, представить на разсмотрѣніе мѣстнаго епископа житіе, канонъ и чудеса этого святого, если первые были уже ранѣе составлены. Какъ исполнялась эта программа на мѣстѣ комиссіей, это хорошо можно видѣть изъ сохранившихся обыскныхъ актовъ св. Іакова боровицкаго и бл. князя Андрея смоленскаго. Въ 1544 году новгородскій архіепископъ Феодосій послалъ въ Боровичи комиссію, состоящую изъ софійскаго соборнаго протопопа и другихъ лицъ, для собранія свѣдѣній объ этомъ святомъ и для свидѣтельствованія его мощей. Эта комиссія, пришедши въ Боровичи, осмотрѣла прежде всего мощи преп. Іакова и, затѣмъ, приступила къ собранію свѣдѣній о его жизни: „и про житіе его опрашивали тѣхъ же священникъ и старость и волостныхъ людей добрыхъ—сколько давно тутъ лежатъ и есть ли на него тутъ наметухи и знахари, отколе онъ тутъ появился и гдѣ онъ жилъ, и каково его было житье. И онѣ сказываютъ: кое наметуховъ изъ роду въ родъ нѣтъ, толко сказываютъ отъ дѣдъ и прадѣдъ рѣчь ведетца исконно изъ роду въ родъ будто на веснѣ приплыль на крѣ (льдинѣ) Мстою рѣкою въ колодѣ

высподней, а верхней нѣтъ, на святой недѣль во вторникъ, а ко-
лода огорѣла. А имя ему потому свѣдали, что онъ учалъ являтца
въ сновидѣннѣ старымъ людямъ многимъ. А нарекъ имя собѣ: меня
зовуть Яковомъ—Ангель мой Яковъ, братъ Божій по плоти¹⁾.
Послѣ этого приступлено было къ собранію свѣдѣній о чудесахъ,
совершавшихся у раки преп. Іакова, и провѣркѣ ихъ. Это дѣло
велось слѣдующимъ образомъ. Комиссія спрашивала не только са-
михъ исцѣленныхъ отъ того или другого недуга, но и знакомыхъ
ихъ или вообще односельчанъ, при чемъ требовалось свидѣтельство
отца духовнаго, т. е., мѣстнаго священника. Затѣмъ, была соста-
влена опись этихъ чудесъ, къ которой приложили руки всѣ духов-
ныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мощей, и міряне, под-
твердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ
исцѣленій, скрѣпленная рукою дьяка, писавшаго эту роспись²⁾. Въ

1) Рук. Тр.-С. л., № 654, л., 74—85.

2) Рук. Тр.-С. л., № 654, л. 86—87.—Для знакомства съ ходомъ
процесса этого свидѣтельствованія, какъ образецъ, мы въ этомъ при-
мѣчаніи приведемъ изъ обыскныхъ актовъ преп. Іакова Боровицкаго
то мѣсто, гдѣ описывается это свидѣтельствованіе, сдѣлавъ только не-
большія въ немъ сокращенія. «А на освященіе церкви, на Сочествіе св.
Духа Богъ простилъ боярыню Ульяну, Рудного жену Талызина глав-
нымъ недугомъ, а сказываютъ лѣтъ 7, какъ тѣмъ недугомъ немощна
была, гвой изъ ушей шолъ, глава и лицо пухло; да Рудного человѣка
Іосифъ Коротаевъ Гришицу Богъ простилъ падучимъ недугомъ, а то
вѣдомо государю его Рудному и его женѣ тотъ недугъ. А сказывалъ
онъ, да и мать того малаго священникамъ, что тѣмъ недугомъ онъ
немощенъ былъ, а того малаго Богъ простилъ до нашего пріѣзду. Да
Богъ простилъ Анну Борисовну, жену Горбатаго очною болѣзнію, а
болына была три года, а живетъ въ Боровичахъ. А то вѣдомо сусѣду
ихъ У. ву, Михайлову сыну, — а рука его приложена у той памяти
вверху. А ту Богъ простилъ до нашего пріѣзду. Да Богъ простилъ на
освященіи церкви дѣвицу Василису—окомъ правымъ не видѣла, Пле-
мянникова, крестьянина Жданскаго, изъ деревни съ Подола. а отецъ
ей Тимоха сталъ съ нею предъ священника да сказывалъ, что она
тѣмъ недугомъ болна была. Да Богъ простилъ до нашего пріѣзду за
полгода Ирину Вершину жену ѡбснующимъ недугомъ, а живетъ въ
Боровичахъ. И священникъ Иванъ опрашивалъ про неѣ въ недѣлю
всѣхъ святыхъ у Бориса и Глѣба послѣ заутрени. и онѣ сказываютъ—
всему ряду вѣдомо, что она тѣмъ недугомъ страдала по Боровичскому
ряду ходючи. Да Богъ простилъ Моисееву жену Домпу Гаврилову, изъ
деревни Новоселиць, ѡбснующимся недугомъ, а приходилъ съ нею свя-
щенникъ Иванъ, сказалъ, что она тѣмъ недугомъ болна была два годѣ.

1539 году преп. Данииломъ переяславскимъ обрѣтены были мощи бл. князя Андрея смоленскаго, о чемъ онъ успѣшилъ сообщить царю и митрополиту Иосафу. Царь и митрополить „послаша отъ священныхъ избранныхъ мужей чудовскаго архимарита Иону сановита суца, Богородскаго протопопа Гурія, мужа нарочита и благоговѣйна видѣти мощи“. Далѣе рассказываетя, что архимандрить Иона, „яко истязуя, вопрошаше Даниила, коея ради вины мощи сія взыскаль еси и отъ кого повѣленіе вземъ?“ Данииль же рече: „извѣстихъ сіе благоч. царю и преосвящ. митрополиту ея же ради вины повелѣно ми бысть отъ нихъ все сіе, явственней же паче благоволи Богъ вашему великому священству своимъ очима видѣти святаго сего, се образъ его, зрите на иконе написанъ, также служба емуже, стихеры и канонъ въ старыхъ книгахъ писанъ не отъ мене си изложено ни мною повелено. Но вельми преже мене, и вопрошайте народъ, что видѣша, и недужніи како исцелѣша и отъ сихъ уразумѣйте... И повелѣша представить исцѣленныхъ и вопрошаше ихъ“¹⁾, причемъ самая форма допроса въ общихъ чертахъ такая же, какую мы видѣли уже при свидѣтельствovanіи чудесъ преп. Іакова боролицкаго. Такимъ же точно образомъ, какъ можно думать, въ общихъ чертахъ совершались и предварительные обыски

А рука того священника на той памяти назадъ вверху, А всѣ тѣ сказываютъ, кои завѣтны были къ Яковлеву гробу, и новѣ ихъ Богъ простилъ. А сію память писалъ Петровской дьякъ изъ Боровичъ Митька Елизаровъ. Въ лѣто 3916 (1544 г.) Іюня во в день, на смествіе св. Духа, на память иже во святыхъ отца нашего Никифора. А у той памяти рука приложена священноинока Данила Юрьева монастыря. Да священникъ Василей руку приложилъ, служитель Верховныхъ Апостоль Петра и Павла. Да священникъ Борисоглѣбской церкви Иванъ руку приложилъ. Да Петровской дьяконъ Переврей руку приложилъ. Да рядовой Боровицкаго ряду Василей Кузьмина сына рука приложена. Да Ушанъ Михаилъ сынъ руку приложилъ, да Матѣй Ярцовъ руку приложилъ. А тѣ рядовичи руки прикладывали во всѣхъ рядовичъ мѣсто. Боголѣснаго Преображенія попъ Василей, отецъ духовный руки приложилъ—въ той Анны мѣсто, што не ходила на ногахъ. Да Руднаго жены Ульяны, да дѣтины ихъ Гришицы, да Анны Борисовской жены да Василисы, — въ тѣхъ мѣсто отецъ духовной попъ Василей руку приложилъ. А въ тое мѣсто Ирины отецъ духовной Иванъ попъ руку приложилъ и проч. (Рук. Тр.-С. л., № 654, л. 80—80.

¹⁾ Рук. Тр.-С. л., № 696, л. 225—232.

къ собору 1549 года. По крайней мѣрѣ, существенныя и главныя черты ихъ мы находимъ въ рѣчи Грознаго, въ которой представлено общее изображеніе этихъ обысковъ. Такъ, мы находимъ здѣсь указанія на комиссіи — „священными соборы“ и проч. Далѣе, цѣль, которая поставлена для этихъ обысковъ, очень похожа на извѣстную уже намъ программу дѣйствій, съ которою посылались эти комиссіи. Тутъ мы встрѣчаемъ и собраніе біографическихъ свѣдѣній и повѣрку ихъ и свидѣтельствованіе чудесъ, словомъ, все то, что вошло въ постоянную практику нашей церкви въ подобныхъ случаяхъ въ послѣдующее время.

Собранный и провѣренный агіобіографическій матеріалъ мѣстными владыками представленъ былъ на соборъ 1549 года, на которомъ онъ снова былъ свидѣльствованъ. Въ чемъ заключалось и какъ производилось это свидѣтельствованіе? Въ извѣстныхъ намъ источникахъ мы не находимъ извѣстій ни о характерѣ этого свидѣтельствованія, ни о формѣ его. Въ Стоглавѣ констатируется только самый фактъ свидѣтельствованія всего собраннаго матеріала: „и въ 19 лѣто возраста моего по нашему наказу архіепископы, епископы и честныя архимандриты и игумены собираются въ царствующій сей градъ къ намъ ко отцу нашему Макарію, митрополиту всеа Русіи, каноны новыхъ чудотворцевъ и житія ихъ и чудеса на соборъ полагаютъ и свидѣлствуютъ всѣми священными соборы“¹⁾. Не имѣя положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ опредѣленное представленіе о характерѣ этого соборнаго свидѣтельствованія, мы попытаемся, однако, хотя бы приблизительно опредѣлить послѣдній. Выше мы приводили уже мнѣніе В. О. Ключевского, по которому соборное свидѣтельствованіе представляется не болѣе, не менѣе, какъ опытомъ церковной цензуры, впрочемъ, чисто литературной; вводя, говоритъ онъ, труды мѣстныхъ грамотеевъ въ церковное богослуженіе, соборъ, естественно, долженъ былъ разсмотрѣть, соотвѣтствуютъ ли они установленнымъ формамъ церковно-литературныхъ произведеній²⁾. Основываясь на

¹⁾ Стогл. 45.

²⁾ Ключев. Житія 223.

этихъ словахъ, можно думать, что это соборное свидѣтельствованіе касалось не столько содержанія житій и каноновъ, сколько внѣшней формы ихъ. Такъ можно думать тѣмъ болѣе, что фактическое содержаніе представленнаго на соборъ біографическаго матеріала было уже провѣрено на епархіальныхъ обыскахъ, или, по крайней мѣрѣ, должно быть провѣрено, потому что, какъ мы видѣли, главною цѣлію ихъ было не только собраніе біографическихъ свѣдѣній о святыхъ, но и повѣрка ихъ. Что, дѣйствительно, на соборѣ 1549 г. содержаніе представленныхъ житій не подвергалось критическому разбору, на это, по нашему мнѣнію, можетъ указывать фактъ одобренія имъ для церковнаго употребленія такихъ житій, какъ житіе преп. Евфросина псковскаго, написанное инокомъ Василіемъ, и другихъ житій того же автора. Трудно допустить, чтобы соборъ одобрилъ всѣ эти житія, если бы онъ критически отнесся къ фактическому содержанію ихъ. Такимъ образомъ, соборное свидѣтельствованіе нужно относить собственно къ внѣшней формѣ житій. Отцы собора, просматривая послѣднія, наблюдали, главнымъ и преимущественнымъ образомъ, за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли извѣстное житіе установившемуся тогда у насъ житійному стилю, или нѣтъ? Если соотвѣтствовало, то оно одобрялось для церковнаго употребленія, если же нѣтъ, то исправлялось, или даже поручалось писать кому нибудь вновь.

Какъ совершалось это свидѣтельствованіе, драгоценное указаніе на это мы находимъ въ извѣстномъ уже намъ житіи Мартиніана и Фераонта, бѣлоозерскихъ чудотворцевъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что когда игуменомъ, привезшимъ эти житія въ Москву, послѣднія представлены были на соборъ, то „и взять (вѣроятно, митрополитъ) книги тѣя, и повелѣ предъ собою прочести житія святыхъ и чюдеса“¹⁾.

Рѣшивъ, по мѣрѣ возможности, эти существенные вопросы изъ исторіи внутренней дѣятельности этого собора, мы для полноты нашего изслѣдованія о немъ должны еще рассмотретьъ нѣсколько вопросовъ второстепенныхъ. Эти вопросы касаются основаній, ко-

¹⁾ Рук. Тр.-С. л., № 696, л. 48.

торыми этотъ соборъ руководился при совершеніи канонизаціи святыхъ, съ одной стороны, съ другой—вопроса о томъ: сдѣлалъ ли соборъ 1549 года такое же разграниченіе между святыми на мѣстныхъ и всероссійскихъ, какое сдѣлалъ соборъ 1547 года? Съ первымъ вопросомъ мы встрѣчались уже, когда излагали исторію перваго собора. Поэтому мы на немъ долго останавливаться не будемъ, тѣмъ болѣе, что и въ извѣстныхъ уже намъ памятникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія о соборѣ 1549 года, эти основанія прямо указаны. Именно, въ извѣстной уже намъ рѣчи Грозный обращается ко всемъ епископамъ съ просьбой собрать „каноны и житія и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ“¹⁾; епископы, дѣйствительно, исполняютъ просьбу царя, и на соборѣ „полагаютъ и свидѣлствуютъ всеми освященными соборы каноны новыхъ чудотворцовъ и житія ихъ и чудеса“²⁾, и вслѣдъ затѣмъ непосредственно говорится объ установленіи празднованія всемъ тѣмъ святымъ, каноны, житія и чудеса которыхъ, дѣйствительно, представлены были собору и одобрены имъ для церковнаго употребленія. Такимъ образомъ, очевидно, что этими основаніями, которыми соборъ руководился при совершеніи канонизаціи святыхъ, были каноны, житія и чудеса ихъ.

Гораздо труднѣе, повидимому, рѣшить другой вопросъ: сдѣлалъ ли соборъ 1549 года такъ же, какъ и первый соборъ, раздѣленіе канонизованныхъ имъ святыхъ на мѣстныхъ и всероссійскихъ. Ибо ни въ Стоглавѣ, ни въ житіи митрополита Іоны объ этомъ нѣтъ ни слова. Въ первомъ вообще говорится, что отцы собора 1549 года все свидѣлствованныя ими житія и каноны святыхъ „предаютъ церквамъ Божиимъ пѣти и славити и праздновати, якоже прочимъ святымъ отъ вѣка Богу угодившимъ по настоящему коегождо мѣсяца дни и числа преставленія ихъ и святыя имена и обрѣтенія честныхъ мощей ихъ“³⁾, повидимому, не раздѣляя послѣднихъ на общихъ и мѣстныхъ. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, дѣйствительно, можно думать, что

¹⁾ Стогл. 44.

²⁾ Ibid. 45.

³⁾ Рук. Тр.С. л., № 696, л. 48—49.

такого раздѣленія на этомъ соборѣ и не было сдѣлано. Первый фактъ мы находимъ въ житіи Ферапонта и Мартиніана, бѣлоозерскихъ чудотворцовъ. Писатель этого житія, сказавши о повелѣніи Макарія „игумену тоя обители нѣти и праздновати святыхъ отецъ и со предреченными святыми, преч. Ферапонта и Мартиніана и житія ихъ чести на соборѣ, въ славу Отца и Сына и Св. Духа, вседержителя Бога“, говоритъ далѣе: „Но и се, яко да не возглаголють нѣщны мнѣніемъ рекуще: повелѣлъ есть святой митрополитъ единой церкви тоя праздновати святыхъ. Смотри и испытатъ извѣстно не бываетъ сицево повелѣніе во святыхъ писаніяхъ неправды зазоръ сотвориши и обращаеши ложь предъ Богомъ. Святая книги пишуть: едино стадо и единъ пастырь Христосъ, едина церкви, едина вѣра, далъ есть единой церкви, и инымъ вда... Добръ святой митрополитъ сотвори, и зѣло полезно есть, якоже нѣкую утварь царскую церкви Божіей приложи: святыхъ отецъ праздновати повелѣ и благослови“¹⁾. Суть всей этой тирады сводится къ тому, какъ кажется, что писатель хочетъ показать и доказать, что празднованіе памяти этихъ святыхъ установлено не для одной какой нибудь мѣстной церкви, а для Единой, т. е., всей русской церкви. Другой же фактъ подобнаго рода мы находимъ въ Стоглавѣ. На этомъ соборѣ, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ „праздновать Псковскому чудотворцу Ефросину, да Смоленскому чудотворцу Аврамію“. Соборный отвѣтъ былъ таковъ: „праздновати имъ какъ и прочимъ святымъ прендобнымъ отцемъ. нѣти на вечерне блаженъ мужъ и прочая служба по божественному уставу все сполна²⁾); слѣдовательно, со всенощнымъ бдѣніемъ, какъ и великимъ святымъ, общимъ. Этотъ послѣдній фактъ рѣшительнымъ образомъ доказываетъ, по нашему мнѣнію, ту мысль, что соборъ 1549 года не сдѣлалъ подобнаго первому собору раздѣленія святыхъ на общихъ и мѣстныхъ, а прямо только установилъ празднованіе этимъ святымъ, предоставивъ совершать послѣднее доброй волѣ настоятелей церквей. Ибо, если бы на самомъ дѣлѣ было сдѣлано

¹⁾ Рук. Тр. С. л., № 696. л. 48—49.

²⁾ Стогл. 168.

такое разграниченіе, то трудно объяснить, какимъ образомъ могъ подняться вопросъ объ образѣ празднованія Евфросиму псковскому и Авраамію смоленскому, когда соборъ прямо отнесъ бы ихъ къ какому нибудь одному классу мѣстныхъ или общихъ святыхъ, чѣмъ прямо опредѣлялся бы и образъ празднованія имъ.

Способъ и приемы, въ которыхъ выражалась канонизація святыхъ, произведенная соборами 1547 и 1549 годовъ, были тѣ же самыя, какіе существовали и въ раннѣйшій періодъ въ практикѣ нашей церкви, именно: установленіе въ честь святаго праздника и составленіе житія и канона ему. Но труднымъ является для рѣшенія вопросъ: вносились ли имена святыхъ непосредственно за канонизаціей, по распоряженію соборовъ, въ святцы, или мѣсяцесловы, или другими словами, можно ли считать послѣдніе такою формою канонизаціи этого времени, какою они стали со времени учрежденія св. Синода? Въ источникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія объ этихъ соборахъ, мы не встрѣчаемъ ни одного указація, которое могло бы для насъ служить основаніемъ для такого или иного рѣшенія этого вопроса. Повидимому, нужно было бы ожидать, что соборы, издавъ повелѣніе о празднованіи новымъ чудотворцамъ, вмѣстѣ съ нимъ издадутъ и повелѣніе о внесеніи послѣднихъ въ святцы и тогда, конечно, въ святцахъ, явившихся непосредственно за этими соборами, мы въ правѣ были бы ожидать встрѣтить имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, которые канонизованы соборами 1547 и 1549 годовъ. Но, присматриваясь къ уставамъ, явившимся послѣ этихъ соборовъ, мы должны сказать, говорить И. Д. Мансветовъ, что ни одинъ изъ нихъ не исчерпываетъ полного числа русскихъ святыхъ, канонизованныхъ на соборахъ 1547—1549 годовъ. Такъ, синодальный уставъ 1548 года, какъ появившійся чрезъ годъ послѣ перваго московскаго собора.— уже заключаетъ въ себѣ значительное число памятей, утвержденныхъ на немъ, но, съ другой стороны, и нѣкоторые изъ болѣе позднихъ уставовъ оказываются ниже этого числа и стоятъ, повидимому, внѣ всякаго вліянія московскихъ соборовъ. Таковъ, на примѣръ, уставъ Синодальной Библіотеки № 389—337, написанный въ 1553 году для Іосифо-Волоколамскаго монастыря и отли-

чающійся въ этомъ отношеніи замѣчательною бѣдностію (Перечисленіе памятей см. въ опис. рук. Син. б., III, 323).

Къ категоріи болѣе полныхъ записей этого рода могутъ быть отнесены уставы Троице-Сергіевой лавры № 242—244 и синодальный № 390—334—все изъ второй половины XVI в. и съ подробнымъ перечнемъ русскихъ праздниковъ, между которыми встрѣчаются даже такія малозвѣстныя памяти, какъ убіеніе Глѣба на Смядынь (5 сентября). И все-таки, не смотря на относительную полноту агиологическаго содержанія, эти уставы не имѣютъ многихъ памятей, утвержденныхъ на соборѣ 1549 года. Замѣчательно, что и въ троицкомъ уставѣ № 241, во главѣ котораго помѣщено постановленіе собора 1547 года, въ видѣ посланія къ игумену троицкому Іонѣ,—и здѣсь изъ общаго перечня канонизованныхъ святыхъ записаны лишь не многіе ¹⁾.

Если же, какъ можно видѣть изъ этого обзорнія, имена святыхъ не всегда вносились въ святцы и уставы, то, очевидно, потому, что не было сдѣлано соборнаго распоряженія. Отсюда, слѣдовательно, святцы и не могли быть одною изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ выражалась канонизація святыхъ на этихъ соборахъ.

Въ заключеніе исторіи макарьевскихъ соборовъ, намъ остается рассмотретьъ еще вопросъ о значеніи ихъ въ дѣлѣ канонизаціи святыхъ для послѣдующаго времени русской церкви. Самое важное и самое видное, сразу бросающееся въ глаза, слѣдствіе макарьевскихъ соборовъ для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени заключается въ томъ, что, начиная съ этихъ соборовъ, право совершенія канонизаціи переходитъ исключительно къ высшей центральной власти русской церкви, каковая до конца XVI вѣка сосредоточивалась въ лицѣ митрополита съ соборомъ, а съ конца этого вѣка (1589 г) въ лицѣ патріарха. До макарьевскихъ соборовъ право совершенія канонизаціи продолжало принадлежать мѣстнымъ епископамъ не только *de jure*, но и *de facto*, что можно видѣть изъ приимѣра

¹⁾ Мансветовъ, Церковный уставъ 285—86.

канонизаціи Леонтія и Исаіи, епископовъ ростовскихъ, канонизованныхъ мѣстными епископами. Между тѣмъ, послѣ соборовъ 1547 и 1549 годовъ и во все продолженіе второй половины XVI и всего XVII вѣка мы уже не встрѣчаемъ ни одного факта, когда канонизація того или другого святого совершена была бы мѣстнымъ епископомъ. Встрѣчаемъ даже примѣры, которые показываютъ, что частное почитаніе святого требовало уже позволенія высшей власти церкви. Такъ, ученикъ Кассіана Босого, Фотій, написавъ для себя канонъ на память Іосифа Волоколамскаго, нашелъ необходимымъ, однако же, представить этотъ канонъ на разсмотрѣніе митрополиту, чтобы получить отъ послѣдняго благословеніе читать свой трудъ и молитвовать по нему въ келліи ¹⁾). Правда, начало этой перемены въ правѣ совершенія канонизаціи восходитъ еще къ началу XVI вѣка; но тогда эта перемена не была еще узаконена. Теперь на макарьевскихъ соборахъ то, что до сего времени было только попыткой подчинить прославленіе святыхъ надзору высшей церковной власти, окончательно принято и съ этого времени вошло въ постоянную практику русской церкви при совершеніи канонизаціи.

Чѣмъ вызвано такое измѣненіе, какими обстоятельствами оно обуславливалось,—на всѣ эти вопросы мы старались дать отвѣтъ въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ объ этихъ соборахъ. Поэтому, не останавливаясь на нихъ, мы прямо перейдемъ къ обзорѣнью другихъ слѣдствій ихъ, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ первымъ слѣдствіемъ и имъ обуславливаются.

Главное слѣдствіе этого перехода права совершенія канонизаціи къ высшей центральной власти русской церкви касается тѣхъ правилъ, которыми начинаютъ у насъ со времени этихъ соборовъ руководиться при совершеніи канонизаціи святыхъ. Макарьевскіе соборы имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе. Со времени ихъ правила совершенія канонизаціи, которыя примѣнялись на этихъ соборахъ, входятъ уже въ постоянную практику нашей церкви послѣдующаго времени. Эти правила, которыми, какъ мы видѣли.

¹⁾ Ключев. Житія, 392.

опредѣлялся ходъ и порядокъ канонизаціи на соборахъ 1547—1549 годовъ, группировались главнымъ образомъ и сосредоточивались на „обыскѣ о новыхъ чудотворцахъ“ и свидѣтельствovanіи житій и каноновъ. Обыскъ состоялъ, какъ мы видѣли, не только въ собраніи житій и каноновъ, но вообще свѣдѣній о святомъ—о его чудесахъ и потомъ провѣркѣ или свидѣтельствovanіи тѣхъ и другихъ. Этотъ обыскъ и это свидѣтельствovanіе какъ житій и каноновъ, такъ и чудесъ въ послѣдующее уже время встрѣчаются постоянно въ практикѣ русской церкви во всѣхъ случаяхъ канонизаціи. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что эти правила, установленныя макарьевскими соборами, встрѣчаются намъ не только безъ всякаго измѣненія ихъ сущности, но и самая внѣшняя форма ихъ приложенія остается тою же самою, какую мы видѣли и на этихъ соборахъ; а это послѣднее прямо можетъ говорить о вліяніи макарьевскихъ соборовъ на ходъ канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени.

Присматриваясь къ исторіи макарьевскихъ соборовъ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ указанія на то, чтобы на нихъ сдѣлано было постановленіе о постоянномъ употребленіи и приложеніи этихъ правилъ совершенія канонизаціи и въ послѣдующее время. А это послѣднее обстоятельство показываетъ, что вліяніе этихъ соборовъ на ходъ и совершеніе канонизаціи основывается не на какомъ нибудь законодательномъ актѣ, изданномъ съ этою цѣлю, но на тѣхъ обстоятельствахъ, которыми и были вызваны самые соборы о новыхъ чудотворцахъ. Главное изъ этихъ обстоятельствъ—это централизація церковной власти въ лицѣ митрополита, идущая рядомъ съ централизаціей гражданской власти въ лицѣ московскаго великаго князя. Слѣды вліянія этой централизаціи церковной власти стали уже замѣтны еще съ начала XVI вѣка; но главнымъ образомъ они проявились на макарьевскихъ соборахъ, со времени которыхъ право совершенія канонизаціи исключительно стало принадлежать высшей центральной власти русской церкви. Этимъ переходомъ права совершенія канонизаціи отъ мѣстныхъ епископовъ къ высшей центральной власти, какъ намъ кажется, и можно объяснить себѣ важное вліяніе макарьевскихъ соборовъ на ходъ канонизаціи послѣдующаго

времени. Высшая церковная власть, всегда пребывавшая въ столицѣ и находясь, такимъ образомъ, вдали отъ мѣста жизни святыхъ, не могла быть очевидцемъ ни чудесъ, ни нетлѣвнй мощей. Чтобы убѣдиться въ томъ и другомъ, необходимо было изслѣдовать на мѣстѣ и эти чудеса и это нетлѣвнй мощей. А для достиженія этой цѣли, очевидно, правила, установленныя макарьевскими соборами, и были необходимыми. А эти послѣднйя, въ свою очередь, послужили причиною образованія тѣхъ формальностей, совокупность которыхъ и составила предварительный обыскъ о томъ или другомъ святомъ, имѣющей свою главную цѣлю и задачей какъ собрать необходимыя для его канонизаціи біографическія данныя, такъ и провѣрить ихъ.

Приложеніе и примѣненіе правилъ, установленныхъ макарьевскими соборами, въ практикѣ совершенія канонизаціи послѣдующаго времени нашей церкви имѣло своимъ естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ болѣе однообразный характеръ совершенія ея. До макарьевскихъ соборовъ такого однообразія не существовало. Каждый почти отдѣльный случай совершенія канонизаціи сопровождался какою нибудь особенностію, обусловливаемою или исключительными обстоятельствами и условіями, при которыхъ она совершалась, или зависящею отъ лица, который ея совершалъ. Это разнообразіе въ совершеніи и можно объяснить только тѣмъ, что тогда еще не было установлено опредѣленныхъ правилъ, которыя бы всегда и регулировали ходъ и процессъ совершенія ея. Теперь же, послѣ макарьевскихъ соборовъ, установившихъ опредѣленные и постоянныя правила, эта причина прежняго разнообразія совершенія канонизаціи, очевидно, должна была уничтожиться, и послѣдняя должна принять болѣе или менѣе однообразный характеръ. И дѣйствительно, изучая факты канонизаціи нашихъ святыхъ послѣдующаго времени, не трудно замѣтить, что наша церковь въ этомъ отношеніи сдѣлала большой шагъ впередъ, такъ какъ каждый отдѣльный фактъ канонизаціи этого времени представляетъ въ большинствѣ случаевъ повтореніе прежде него бывшаго.

Кромѣ этого слѣдствія, который сопровождалось для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени введеніе правилъ, установлен-

ныхъ на макарьевскихъ соборахъ, можно еще указать и другое. Именно, со времени ихъ стали у насъ внимательнѣе и строже относиться къ канонизаціи святыхъ, о чемъ можно заключать уже потому, что высшая центральная власть всегда строго требовала приложения существовавшихъ тогда у насъ на этотъ предметъ правилъ и исполненія мельчайшихъ формальностей, вызываемыхъ приложеніемъ первыхъ.

Говоря о значеніи макарьевскихъ соборовъ для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени нашей церкви, мы, однако, не должны преувеличивать этого значенія. Собственно говоря, этимъ соборамъ принадлежитъ только болѣе точная формулировка и введеніе въ практику церкви правилъ совершенія канонизаціи, а не выработка ихъ. Они не сдѣлали чегонибудь новаго, прежде неизвѣстнаго, а только точнѣе формулировали и своимъ авторитетомъ санкціонировали то, что и прежде существовало, хотя и не въ такомъ опредѣленномъ видѣ. Отсюда, слѣдовательно, дѣятельность макарьевскихъ соборовъ относительно вопроса о канонизаціи святыхъ въ нашей церкви можно назвать не творческою, а, вѣрнѣе, организаторскою, что будетъ вполне соответствовать и характеру главнаго дѣятеля ихъ, митрополита Макарія, любившаго обветшалое и поиспатавшееся поновлять и приводить въ порядокъ.

В. Васильевъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**